

Мария Некрасова

Снышар

#СУМРАЧНЫЙВЕТЕР

Мария Евгеньевна Некрасова
Спящая
Серия «Сумрачный ветер.
Мистика, ужасы, изнанка миров»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69808300

Спящая: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-193033-2

Аннотация

Когда-то в этой деревне жил мальчик, который умел разговаривать с деревьями, цветами, животными. Другим детям, да и взрослым, этот мальчик казался странным. Сверстники дразнили его и не хотели играть с ним, а когда стали старше – принялись бить. Но мальчик не обращал на них внимания, ведь у него были настоящие друзья, его собаки. И ещё та, кого он однажды разбудил в лесу...

Сейчас здесь живёт Ромка. Он тоскует по Лёхе, своему погибшему другу, и готов на всё, чтобы защитить его младшую сестрёнку Катю. И девочка действительно нуждается в защите. Особенно после того, как находит и берёт домой пса. Очень странного пса. Бездомного бладхаунда. Кажется, эта собака ведёт себя не так, как обычный зверь. Кажется, пёс может влиять на людей. А Ромка почему-то может читать его мысли...

Сумеет ли он догадаться, что происходит, пока старые тайны не обернутся новой бедой?

Содержание

Часть I	8
Глава I	9
Глава II	14
Глава III	27
Глава IV	42
Глава V	58
Глава VI	65
Глава VII	75
Глава VIII	85
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Мария Некрасова

Спящая

© Некрасова М., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Часть I

(Лет шестьдесят назад)

Глава I

Жарко

Если долго смотреть на облака, узнаешь, когда пойдёт дождь. Лёка не мог этого объяснить, как не мог объяснить, откуда человек узнаёт, что голоден или что ему надо в туалет. Белые облака, без единой серинки, всё сами расскажут, если смотреть внимательно. Лёка был очень внимательным. Он лежал в тени дерева, свернувшись в небольшой прохладной ямке, как раз по размеру, чтобы можно было и ноги согнуть, и руки спрятать. Ямку он про себя называл «мой горшок», хотя какой горшок – больше похоже на люльку для младенца. Но это не солидно, а «горшок» хотя бы смешно.

Кусочки неба были видны сквозь крону огромного клёна. Солнце припекало даже здесь, в тени, но не жгло, а грело. Лёка смотрел на небо. Не то чтобы он хотел узнать, когда будет дождь – просто облака завораживали. Они проплывали чинно, растворяясь-растекаясь по небу, будто махали Лёке: «Привет».

Однажды глупая Татьяна Аркадьевна, увидев Лёку в его «горшке», попыталась втянуть его в странную игру «На что похожи облака». Нет, серьёзно: взрослая женщина уселась рядом с ним на корточки и стала неприлично тыкать пальцем в небо. Как будто сама не учила не тыкать пальцем в людей. «Это, – говорит, – похоже на зайчика, а это – на торт».

И ничего было не похоже! Облака похожи на облака! Лёка тогда сказал ей, что она со своей причёской похожа на Артемона без ушей. Сказал – и пожалел. Ничего, что он полдня отстоял в углу, – плохо, что перед ребятами его опозорили: «Все посмотрите на Луцева! Он не знает элементарных детских игр и оскорбляет воспитателя...» И все смеялись.

В пятницу ещё мать всыпала за то, что он её позорит перед всей деревней. Ну где позорит-то?! Позор – не знать, что такое облака, позор – сравнивать их с чем-то, что не они. Вот это позор. Почему-то всё равно было стыдно, будто он и правда не знает чего-то важного, что все шестилетние мальчишки уже должны знать... Хотя, скорее всего, Татьяна Аркадьевна обиделась на «Артемона». Глупо. Наверное – да нет, точно! – она знает, что «Артемоном» её зовут все дети в саду. И зачем делать из этого тайну?

Перед глазами забегали чёрные точки. Лёка называл их «точками зрения», хотя догадывался, что это здесь ни при чём. Но так понятнее: вот она, точка, вот она возникает в поле зрения – значит «точка зрения». С площадки доносились крики «Белые идут!» – это дурацкий Славик с его компанией опять играют в войнушку. Никто не хотел играть за белых, вот их и не было. Армия дурацкого Славика воевала с воображаемым врагом. И они ещё говорят, что Лёка странный!

...Дождь будет послезавтра. Лёка это знал. Облака бежали, солнышко грело, хорошо-то как! Только жарко. Даже в тени жарко. Лёка подумывал о том, чтобы сбегать на кухню.

Там сегодня добрая повариха Света. Если попросить попить, она даст прохладного вчерашнего компота из холодильника... Неохота. Пить охота – идти никуда неохота. Вот если бы сами принесли... Он смотрел на листья. Они были какие-то вяловатые, не совсем дряблые, как у «ваньки мокро-го» в группе, когда его забывают полить, а так, будто чуть расслабились. И тогда он в первый раз услышал:

– Жарко...

Голос был не человеческий, да и вообще не голос. Такое странное постороннее ощущение в ушах и немного в животе, Лёка даже не испугался. Просто ни с того ни с сего понял, что дерево нужно полить. Оно ж не побежит на кухню пугать Свету просить воды! Он выбрался из своей верной ямы и пошёл в группу.

– Луцев, ты куда? – Артемон сейчас может всё испортить. Скажет: не лезь со своими глупостями или ещё что-то обидное...

Лёка притормозил уже на крыльце, подошёл к воспитателю, стараясь сделать умный вид:

– За лейкой же, Татьяна Аркадьевна. Дереву жарко, надо полить.

Несколько секунд Артемон смотрела на деревья на площадке, как будто прикидывая, поставить их в угол или пус-кай здесь стоят. Но с Лёкой согласилась:

– Хорошо придумал, молодец. Дети! – она произнесла это торжественно, как на концерте. – Лёня Луцев напомнил мне,

что у нас сегодня очень жарко. И не только нам, но и деревьям. Давайте сейчас сходим в группу за лейками и польём деревья на площадке.

Девчонки радостно побежали в корпус, обсуждая, кто какую лейку возьмёт. Они разноцветные, эти лейки, девчонкам важно, чтобы красная и ни в коем случае не синяя и не зелёная, что с них возьмёшь! Лека пошёл за своей зелёной.

Он шёл через двор медленно, потому, что полгруппы уже убежали за лейками, а главное – потому, что он слышал. Со всех сторон и даже откуда-то сверху в уши и почему-то в живот стекался этот странный неголос:

– Жарко, жарко.

Жарко было цветам на клумбе, и колючему шиповнику под окнами, и огромным деревьям у забора садика. Вот тогда Лёка испугался. Даже хотел сказать Артемон, но быстро передумал: что она понимает, Артемон! А страшно стало. Слышать то, чего не слышал раньше, чего не слышат другие. Мать, конечно, разговаривает с цветами на подоконнике и с помидорами в парнике. Говорит им всякую чушь вроде «Растите скорее» или «Ты чего не цветёшь, на черенки пушу!» – но Лёка знал, что они ей не отвечают. У них другой язык, теперь он это точно знает. Наверное, и они её не слышат и не понимают. С ними надо по-другому.

Когда он вернулся с большущим ведром (лейки ему не хватило – ну и не надо, одной лейки дереву будет мало) и опрокинул его под корни своему дереву, он сразу попро-

бывал что-нибудь сказать. Напряг мысли, напряг уши, за-чем-то зажмурился и попытался изобразить на этом нечеловеческом языке короткое слово «На». Не получалось. Наверное, надо много тренироваться. Лёка в мультфильмах видел: если тренироваться, обязательно получится. Он стоял с пустым ведром, зажмурившись, даже сжав кулаки, и пытался, пытался...

– Луцев, ты что, с деревом разговариваешь? – Артемон. Лёка даже вздрогнул: откуда она узнала его новую тайну?! – Иди цветочки полей, про них все забыли.

Не узнала, нет, не могла. Просто ляпнула, чтобы всех по-смешить. Не узнала. Не должна узнать. Новой тайной делиться не хотелось ни с кем, даже с матерью.

Глава II

Свинья

Он много тренировался, очень много. В группе, пока все играли, потихоньку подходил к фикусу, усаживался рядом и, бездумно катая машинку туда-сюда, чтобы Артемон ничего не заподозрила, пытался что-нибудь сказать на этом цветочном языке. Удобнее всего было тренироваться во время тихого часа: никто ничего не скажет, если ты лежишь зажмурившись изо всех сил и даже тихонько шевеля губами. В спальне на подоконнике был только один цветок, и он молчал, как тот фикус. Лёка утешал себя, что, наверное, у них всё в порядке, если молчат, а что он сам не может говорить — так надо тренироваться ещё и ещё. А иногда, отчаявшись, он даже думал, что не было того случая с деревом, приснилось, показалось... Но сам себя одёргивал: ерунда! Он всё помнит, он всё слышал и обязательно услышит ещё, надо только продолжать тренировки.

В конце концов заговорить на цветочном ему помогла свинья.

* * *

Это было уже зимой, в пятницу. Мать привела Лёку с пя-

тидневки по ранней зимней темноте. Лёка ненавидел зимние вечера: рано же ещё, почему темно? Несправедливо, как будто ты провинился, и тебя гонят спать раньше времени.

Всю дорогу мать шла впереди, протаптывая в сугробах тропинку для Лёки. Он еле поспевал в своих огромных валенках – и всё равно замёрз и мечтал только поскорее оказаться дома на печке. У них на пятидневке совсем не та печка: огромная и неприступная, как гора, на ней не поваляешься, даже если разрешат. Мать в тот вечер даже не донимала его расспросами о садике, о том, не подрался ли он опять со Славиком: наверное, из-за сильного ветра – он дул в лицо, поднимая снежные брызги, и мешал болтать.

Дом был заперт на висячий замок, значит, мать не заходила, а сразу с работы – за ним. Значит, дома ещё холодно. Обычно мать успевала забежать затопить печку, и, пока ходила за Лёкой в сад, их домик успевал отогреться. В этот раз не успела, значит.

Пока мать возилась с замком, Лёка пританцовывал на крыльце от холода и от нетерпения: ух сейчас он завалится на свою печку! И ничего, что она ещё холодная, Лёка сам затопит, пока мать разбирает сумки, сам чиркнет спичкой, бросит огонёк в скомканную газету в печкиной пасти и будет смотреть, как занимаются сухие дрова.

Наконец мать справилась с замком. Лёка взбежал за ней на крыльцо («Не хлопай дверью!»), ворвался в прихожую, повесил тулупчик на свой низкий крючок и рванул на кухню,

на ходу сбрасывая валенки.

– Ты чего это – по дому соскучился?

– И ещё замёрз!

Сухие дрова лежали у самой печки, там же – старые газеты. Лёка уселся на маленькую скамеечку и стал аккуратно укладывать дровишки в топку. Замёрзшие пальцы ещё не слушались, но спичку держали. Огонёк быстро сглотнул газету и перекинулся на дерево, то пригибаясь, то разрастаясь в большое пламя. Как всё-таки мало нужно для счастья!

Мать включила свет, завозилась с сумками, захлопала дверцей холодильника. Сейчас она помоеет картошку холодной водой и даст ему чистить. Лёка усядется на печку, поставит кастрюльку с картошкой на свой старый высокий малышачий стульчик, чтобы было удобнее, и начнёт снимать тонкую золотистую кожуру с жирных картофелин. Мать всегда его хвалит, как он тонко чистит картошку.

– Заслонку не забыл?

Не забыл. Лёка отряхнул руки от мелкого древесного мусора, уселся на печку между кухней и коридором. Отсюда всё видно: и прихожая, и кухня, и как мать моет картошку, потирая друг о друга покрасневшие пальцы. Вода в тазу из прозрачной становится грязной, как в луже, мать сливает её в ведро, придерживая картофелины, чтобы не укатились следом, и заливает свежей из бочки. Сейчас и эта помутнеет, так всегда.

...Рядом на печке валялась книжка про доктора Айболи-

та. Лёка неважно читает, Артемон вечно ругает его за это. А мать ничего, говорит: «Москва не сразу строилась, научится ещё». В книжке есть страшные картинки, на которых взгляд останавливался сам собой. Бармалей размахивает огромным ножом перед животными. На лице обезьяны – такая гримаса ужаса, что Лёке тоже не по себе.

Тогда-то он и услышал. Как в тот раз под деревом: в уши и почему-то в живот ворвался этот вопль:

– Убивают!

Книжка чуть не выпала из рук.

Мать спокойно мыла в тазике уже посветлевшие картофелины... И голос был как в тот раз: не человеческий, не голос. Он доносился откуда-то из-за спины, из-за окна, с улицы.

– Убивают!

– Я скоро, мам. – Лёка быстро спрыгнул с печки, пока мать не успела возразить, и побежал одеваться.

– Куда? А картошка?

– Я скоро. Ты без меня ничего не делай, я быстро... – он болтал скороговоркой, промахиваясь мимо рукава тулупа. Кажется, нитки хрустнули, когда он наконец-то попал в этот проклятый рукав. Некогда возиться с пуговицами!

– Убивают!

– Бегу! – это вырвалось само собой и сразу как надо. Мать не слышала, она и не должна была, Лёка сам толком не слышал, но знал, что получилось. – Ты где?

– Грязно! Холодно! Воняет! Убивают!

В голове вспыхивали образы один за другим. На человеческом языке никто бы не понял, а на цветочном легче. Лёка сразу всё понял.

Он прямо видел перед собой этот грязный соседский сарай, видел изнутри земляной унавоженный пол, где тёплые жёлтенькие опилки давно превратились в грязное месиво. «Грязно!» Видел подгнившие редкие доски, сквозь которые гуляет ветер, да так, что нет разницы, внутри ты или снаружи. «Холодно!» Он слышал этот удушливый даже на морозе запах свинарника: не такой, как от козы или коровы, а почти как в человеческом сортире. «Воняет!» И где-то уже на задворках мысленного взора – лязг железа по точильному камню. «Убивают!»

Сосед. Сосед дядя Вася держал свинью и собирался зимой её зарезать. Мать давно ворчала: «Поскорее бы», потому что запах от свинарника стоял такой жуткий, особенно летом – похоже, сосед не очень-то любил его чистить. Значит, сейчас. Значит, вот-вот... Примерно так это должно было звучать, если перевести на человеческий. Мать говорила Лёке, что свиньи, да все животные чувствуют, когда их собираются резать. Мечутся, кричат, пытаются убежать. Кажется, эта тоже визжала на человеческом...

В распахнутом тулупе Лёка выскочил на крыльцо. Вот он, свинарник соседа. В десяти шагах от него, сразу за забором. Сквозь поредевшие штaketины виден почти весь соседский двор: летом его заслоняли яблони, а теперь они стояли без

листьев, и Лёка видел всё.

На скамейке перед домом в скупом луче лампочки над крыльцом, спиной к Лёке, сидел сосед. Угрюмый чёрный тулуп с нахлобученной сверху шапкой. На той же скамейке закреплено ручное точило. Круглый камень с ручкой, на мамкину мясорубку похож. Только звук от него жуткий: железом по камню. Сосед точил нож. Рядом, тоже к Лёке спиной, другой чёрный тулуп помахивает верёвкой в руке. Должно быть, тоже кто-то из соседей пришёл помочь. Вокруг темно. Только эти в луче фонаря, как в кино про бандитов. И в этой темноте почти тонуло чёрное пятно свинарника. Совсем рядом, сразу по ту сторону забора. Если перелезть через забор...

Быстро, прячась за яблонями, Лёка побежал. С Лёкиной стороны к забору примыкает дровяной сарай. Дрова привезли недавно, ещё не все распилили, и у самого сарая громоздилась гора брёвен. Если подняться по ней, да на крышу, да через забор... Мать запрещает ему лазить по дровам: «Ноги переломаешь, а нет – так сдвинешь и завалит». Надо. Поленницу уже припорошило снежком, он даже не видел, куда ступить, чтобы...

– Убивают!

– Иду. – Лёка зажмурился и шагнул на поленницу: раз-два-три, главное – быстро, главное – не думать, главное... Колено налетело на крышу сарая, и он открыл глаза. Высоко. С земли их сарай казался маленьким, сутулым, а тогда, стоя на дровах у самой крыши, Лёка забоялся. Далеко впе-

реди прямо за крышей земли не было видно – только снег на деревьях и лес, густой чёрный лес за соседским забором.

– Иду. – повторил он уже себе и шагнул на крышу.

Несколько длинных шагов – и пропасть. Внизу под забором белел снег: высоченный сугроб, и всё равно такой далёкий, у Лёки аж голова закружилась, чуть не упал вверх тормашками на соседский участок. Ерунда: нужно только аккуратно прыгнуть в темноту и не завопить, а то услышат. Лёка вцепился в забор, перелез, повис – и прыгнул.

Сперва ему показалось, что сугроб накрыл его с головой, но нет, поменьше, можно выбраться. Барахтаясь и стараясь не скрипеть снегом, Лёка выкатился на расчищенную тропинку. Темно. Почти. Белый снег отражает свет далёкого фонаря за сараем. Лёка видел тени этих двоих: соседа и второго, длинные, нечеловеческие, и этот нож: его тень тоже вытянулась в целую саблю...

– Дверь! – дверь сарая была рядом: руку протяни, отопри деревянную задвижку – и всё...

– Сейчас... – Ой, нет! Куда же она побежит, бедная свинья, кругом забор!.. Её тут же схватит этот с верёвкой, и тогда...

– Подожди... Сейчас... Забор. – Справа от Лёки, совсем недалеко, та часть участка, которая выходит на лес. Забор в том месте совсем плохой, если попытаться выломать штакетину... Лёка прокрался к забору и уже почти на ощупь стал искать слабое место.

Темно. Лёка бежит вдоль забора, ощупывая доску за доской, но именно в этом месте они стоят плотно, как будто издаваются. Пролезет ли она, если выломать только одну штакетину? Нет, надо две доски выламывать... А как же хоть одну-то... Вот одна, совсем гнилая, Лёка чуть надавил – и раздался оглушительный хруст!

– Что там у тебя? – слышалось до ужаса близко. Второй, не дядя Вася.

По снегу захрустели чьи-то валенки. Лёка на секунду замер...

– Дверь! – Свинья права: поздно прятаться.

Лёка, уже не скрываясь, бежит к сараю, отодвигает деревянную задвижку и падает, сбитый распахнутой дверью. Некогда лежать. Он вскакивает, глядя, как свинья выбегает с визгом – правильно, в сторону забора, в ту сторону, которая выходит на лес. Лёка бежит за ней: надо удирать. А как свинья преодолеет забор? За спиной уже хрустит снег под тяжёлыми мужскими валенками, уже приближаются длинные тени...

– Кто там?!

– Бежим! – Свинья легко преодолела забор. Прыгнула как цирковая, только чуть зацепилась копытцами. Забор скрипнул, и целая секция тихо шмякнулась в снег, подняв белое облако.

Лёка удирал уже по доскам. Там, впереди, совсем близко чернел лес.

– Ты что творишь?! – Дядя Вася выругался где-то уже очень далеко за спиной.

Несколько шагов Лёке казалось, что их вот-вот догонят, он бежал, увязая в снегу, и смотрел на тёмное пятно-свинью впереди. Свинья быстрее. Свинья удерёт, обязательно. Только там лес!..

– погоди! съедят!

Тёмное пятно остановилось у самого леса, почти невидимое у подножия деревьев. Лёка ещё догонял, увязая в сугробах: здесь-то на ничьей земле снег расчистить некому. Он бежал долго, но откуда-то знал, что свинья ждёт. Ждёт – значит погоня отстала. Он подбежал почти вплотную и только тогда увидел блеснувший пятачок. Свинья стояла спиной, но обернулась, как человек. Лёка не знал, что они так могут.

– погоди! Там лес. Впереди – лес. Тебя съедят!

Свинья подмигнула. Было темно, но Лёке показалось, что она посмотрела на него как на дурачка:

– Нет волков. Кабаны.

– Порвут! Дикие!

Свинья покачала головой. Смотреть на это было странно, как будто это всё снится, не бывает же так, чтобы свиньи головой качали.

– Страшно в лесу!

– Холодно. Не страшно. Не режут, – объяснила свинья как маленькому и, кивнув Лёке за спину, добавила: – За тобой!

Лёка обернулся. За спиной до ужаса близко плясали два

луча карманных фонариков. Почему за ним? Не за ним – за ней...

– Убегай! – он глянул – свиньи уже не было. В луч приблизившихся фонариков попадали смешные следы в снегу: полоски с копытцами, наверное, бесёнок из сказки про Балду оставлял бы такие же. Свинья убежала, не сказав ни «Пока», ни «Спасибо». Может быть, их просто нет в цветочном языке? Лёка только надеялся, что в лесу со свиньёй ничего не случится и она найдёт там себе еду и, может быть, даже прибьётся к стае кабанов, как хотела. В конце концов, она права: в лесу, конечно, холодно, но хотя бы никого не режут. Улыбка сама собой расползлась до ушей, в животе что-то защекотало... А злобные огоньки приближались, и с ними приближались голоса:

– Ты понимаешь, сколько народу мяса лишил?! – сосед.

– Ты что творишь?! Твоя мать ещё за дрова не рассчиталась! – другой сосед, не дядя Вася, а этот, напротив. Злющий. Он всегда привозит им дрова и вечно ворчит про долги.

Лёка испугался, что сейчас они заметят следы, побегут за свиньёй и, чем чёрт не шутит, может, и поймают. Не бегом, конечно, а на приманку, например, поставят капкан...

Раз в жизни он видел капканы. Не здесь, не в деревне – в кино. Очень давно, может быть, в том году. Что-то случилось в детском саду, и мать взяла Лёку с собой на работу в город. Полдня он просидел в угрюмом кабинете, набитом бумагами, где раскрашенные тётки говорили «Какой ты

большой» и совали ему конфеты. Было отчего-то стыдно и неловко, даже конфет не хотелось. А вечером, когда мучения наконец закончились, мать повела его в кино. Там был скучный фильм про лесника и браконьера, и там были капканы. Гнутые железки с зубчиками, которые впиваются в кожу и мясо. Попадавшие животные в кино кричали совсем по-настоящему, и даже в черно-белом цвете Лёку пугала кровь. Её было много, она заливала белый снег, и от неё слипались шерстинки животных. Вроде чёрная, не красная, а всё равно страшно, потому что ты-то знаешь, какого она цвета, экрану тебя не обмануть... Надо идти навстречу: пусть они не узнают, куда убежала свинья, пусть снег заметёт следы!

Как будто подслушав его желание, поднялся ветер, и вокруг заметалась снежная пурга. Крупинки снега плясали в лучах фонариков, и Лёка торопливо пошёл к людям. Ух сейчас кому-то всыплют по первое число! Почему-то он думал об этом совершенно спокойно.

– Явился не запылится! – дядя Вася схватил его за ухо свободной рукой и больно вывернул. В другое время Лёка бы разревелся от обиды, а тогда не мог спрятать улыбку. Свинья спаслась! Это главное. А что они там ворчат...

– Ты чего это вздумал свиней воровать?!

Лёка даже удивился: воровать? Это не про него, это...

– Я не крал.

– Попререкайся мне ещё!

Но это же чушь собачья!

– Я не крал – я выпустил!

Вьюга кружила, ветер усиливался, белые крупинки били в лицо и забивались в глаза и рот. Дядя Вася тащил его за ухо, Лёка, спотыкаясь на сугробах, еле поспевал. Второй сосед шёл за ними молча, как будто конвоировал. Дядя Вася втащил Лёку на крыльцо и, едва оказавшись в прихожей, завопил:

– Петровна! Иди любуйся!

Мать уже чистила картошку. Сама, не дождалась Лёку. Она так и вышла в прихожую – с ножом и полуголой картофелиной:

– Что? Что ты успел натворить?

– А то! – дядя Вася наконец-то отпустил ухо, развернул Лёку к себе, присел на корточки. У него была желтоватая щетина, мокрая от снега, и ледяные серые глаза. – Скажи, зачем ты это сделал?! – он рывкнул это Лёке в лицо, дыхнув какой-то гадостью. Хотелось зажмуриться. – Свинку пожалел? А дядю Васю не пожалел? У меня трое детей – что они жрать теперь будут?! – Он повернулся к матери, и Лёка наконец смог сделать вдох. – Выпустил свинью, а она вскладчину с Петровым куплена. Я теперь не только без мяса, а ещё и денег должен!

– Может, ещё можно поймать... – мать рассеянно вертела в руках картофелину, а у Лёки внутри всё сжалось. Он зажмурился и шептал про себя: «Не поймаешь, не поймаешь, не смей...»

– Куда там!

Второй сосед что-то пробубнил себе под нос, мать отшатнулась со своей картофелиной и бросила на Лёку осуждающий взгляд:

– А я-то думала, ты уже большой. – Она прошла на кухню, отложила картофелину, вытерла руки о фартук, взяла с полочки жестянку из-под чая, вернулась с этой жестянкой, на ходу пытаюсь открыть.

– Ты мне деньги не суй, ты мне по-человечески объясни... – дядя Вася орал уже на мать, орал что-то взрослое и, наверное, обидное, Лёка хотел заткнуть уши, но постеснялся.

...Он долго орал. Мать оправдывалась, Лёка не слушал. Это всё было не важно. Он думал о свинье.

Глава III

Холодно!

После Нового года ударили сильные морозы. Артемон не выпускала никого гулять: слишком холодно. Играть разрешалось только в центре комнаты, поближе к печке. Нянечка Серафима Ивановна затапливала её утром, на ночь и ещё в обед перед дневным сном, и всё равно тепло быстро уходило. Цветы на подоконнике тоже жаловались на холод, но Лёке удалось неожиданно легко уговорить нянечку их перенести на шкаф, подальше от холодных окон.

Артемон запрещала подходить к окнам: «Дует, простынете, что я родителям скажу?» А Лёка любил любоваться узорами на стекле или оттаивать пальцем дырочки, чтобы смотреть на улицу. Один раз дурацкий Славик подкараулил его за этим занятием. Лёка смотрел в дырочку на заснеженный огород, а Славик подкрался сзади и со всей силы вжал лбом в стекло. Морозец обжёг лицо, и Лёка вслепую ткнул локтем...

– Чего дерёшься?! – Славик тут же отпустил его голову и завопил, изображая битого: – Татьяна Аркадьевна, Луцев дерётся!

– Не ври, ты первый начал! – неожиданно пришёл на помощь Юрик, за что получил от Славика злющий взгляд.

Этот дурацкий Славик показал исподтишка кулак, и Лёка так и не понял: ему это или Юрику. Наверное, ему: Юрик

всё-таки Славкин друг.

Артемон за своим воспитательским письменным столом рассеянно подняла глаза от бумаг:

– Не задирайся, не получишь... Так, а это что такое?! – она смотрела куда-то мимо Лёки. На морозное стекло, где во всей красе отпечаталась Лёкина физиономия. Выглядела она странно, перекошенно и вообще ни капельки не похоже, даже страшновато. Но Артемон есть Артемон. – Луцев, это твой портрет? – Все засмеялись, а дурацкий Славик громче всех. – Что я говорила насчёт окон? Пневмонию захотел? В больницу?

«В больнице хотя бы не будет Артемона и дурацкого Славика». Но вслух Лёка этого, конечно, не сказал. Остаток вечера он простоял в углу, изучая трещины в краске.

* * *

Ночью было особенно холодно. Лёка сперва долго вертелся, кутаясь в одеяло, и всё не мог согреться. Он смотрел на ледяные узоры-завитушки на стекле, вспоминал свой сегодняшний конфуз и гадал, как быстро его некрасивый портрет опять станет снежным узором. От таких мыслей становилось ещё холоднее. От холода трудно было уснуть, а когда сон всё-таки навалился, в уши и в живот тотчас впились это слово на цветочном языке:

– Холодно!

– Холодно, – согласился Лёка. Он тогда подумал, что ему снится, и так и лежал с закрытыми глазами, не осознавая, что уже не спит.

– Холодно! – а этот неголос был уже другим. На цветочном языке не поймёшь, кто говорит, потому что неголос не бывает ни высоким, ни низким, ни молодым, ни старым. Но этот был другой, не тот, что в первый раз, Лёка это чувствовал.

– Холодно! – третий...

– Холодно! – опять первый.

– Холодно! – ещё один.

Лёка открыл глаза. Впереди так же блестело от света фонарика над крыльцом заледеневшее окно. Вокруг белели пододеяльниками кровати. В углу, у самой двери, – тёмное пятно, там, на застеленной кровати, накинув пуховый платок, тихо похрапывала ночная няня.

А неголоса не отставали. Со всех сторон, издалека и близко, в уши и в живот стучалось это «Холодно!». Лёка сел на кровати. Голова гудела так, будто у него ангина. Неголоса наперебой твердили своё «Холодно!» – они сливались в ровный гул, как в телефонной трубке в кабинете у заведующей. Лёка схватился за голову, одеяло соскользнуло, и плечи защищал холодок. «Холодно-холодно-холодно...»

– Тихо! Кто вы?! Где вы?!

– Дерево-крыша-лавочка-снег-дерево-дерево-дерево-холодно-холодно-холодно... – неголоса талдычили наперебой

каждый своё, кого-то они напоминали, но Лёка совсем не мог думать: голову сверлило это «Холодно». Если он так и будет сидеть, они просверлят голову совсем и замёрзнут насмерть... И ещё надо взять на кухне хлеба.

Мысль была совершенно чужой, Лёке бы никогда в голову не пришло воровать хлеб. Воровать! Хлеб! Даже звучало дико. Дурацкий Славик с Витьком и Юркой хвастались, что однажды ночью пробрались потихоньку на кухню, стащили по куску хлеба и слопали под одеялами. А утром никто ничего не заметил, потому что повариха не пересчитывает нарезанный хлеб, а крошки из постелей они стряхнули. Лёка был уверен: они врут. Хвастаются. Потому что ночная няня бы заметила, повариха бы заметила, весь мир бы заметил, а Артемон... Лёка не мог вообразить, что бы сделала с ними Артемон.

– Надо хлеб. Надо-надо-надо... – неголоса звенели в голове, перебивая друг друга.

Лёка схватил со стула колготки, стал натягивать. Послышался треск рвущейся ткани, и на секунду наступила тишина. Неголоса смолкли, но было что-то ещё... Храп! Оборвался нянечкин храп. Лёка упал на кровать и замер.

– Холодно-холодно-холодно! Хлеб-хлеб-хлеб!

Да как же можно воровать хлеб?! Это же...

– Иду... – храп вернулся.

Можно одеваться. Кое-как, задом наперёд, главное – быстро! Где-то в темноте ещё были тапочки... Лёка быстро наша-

ривает обувь и бежит на цыпочках к выходу. Надо выбрать-ся из спальни, никого не разбудив (Надо-надо-надо!). Если проснётся Славик, да кто угодно, он поднимет шум, и тогда... («Холодно! Хлеб!») они замёрзнут! Надо бежать.

Потихоньку, не глядя на ночную няню (если не смотреть, она и не проснётся), Лёка подбегает к двери спальни, открывает... Не скрипнула. (Холодно!) Выбегает в игровую: темнота. С этой стороны окна выходят на огород, где нет фонарей, и за окнами и в комнате мрак. Не наступить бы на какую игрушку, не нашуметь бы! За игровой – длинный коридор, там кухня, кабинет заведующей, младшие группы, раздевалка и выход. Кухня! Господи, как же это: воровать хлеб?! (Надо-надо-надо!) Интересно: заведующая уходит на ночь домой или так и торчит за столом пучком фиолетовых волос? А повариха? А кто ещё сейчас есть в саду, кроме него, темноты и сводящих с ума неголосов?

– Хлеб-хлеб-хлеб!

В коридоре темень. Лёка бежит на цыпочках, на ощупь, скользя ладонью по стене, подгоняемый какофонией неголосов: «Холодно-холодно-холодно!» – дверь. «Холодно-холодно!» – дверь... Неголоса врезались в голову, не давали думать, ни о чём не давали думать, кроме этого «Холодно-холодно-холодно!» Дверь кухни...

В нос ударяет запах тряпки и сладкого чая. Лёка входит и зажмуривается от света фонаря под окном. На кухне большое окно заливают светом блестящий металлический стол,

плиту и железные подносы, огромные. На бортах – загадочные буквы, небрежно намалёванные красной краской. Пустые сложены в углу один на другой, один непустой – на столе, накрыт белой тряпкой.

– Хлеб-хлеб-хлеб!

– Я не вор!.. – рука сама лезет под белую тряпку, нащупывает целое богатство: ряды, плотные ряды нарезанного хлеба. Лёка берёт один (мало!), сколько помещается в руку, пытается затолкать в карман шортов – маленький карман, не помещается. Лёка пихает сильнее, на кармане трещит шов, хлеб входит...

– Хлеб! Хлеб-хлеб!

«Мало. Очень мало!» – чужая мысль, немыслимый поступок, Лёка, кажется, плачет, понимая, что утром Артемон его, наверное, убьёт. Мало. Он срывает белую тряпку, хватается штабеля хлебных кусков и заталкивает за пазуху. Хлеб проваливается до резинки шортов («Заправься, Луцев!»), заправился, заправился. Много места, можно ещё... Он хватается хлеб двумя руками, запихивая под рубашку. В свете уличного фонаря за окном видно, как рубашка раздувается от хлебных кусков, Лёка похож на раскрашенного снеговика. Остатки хлеба он вываливает в белую тряпку, которой был прикрыт поднос, завязывает узелок.

– Хлеб-хлеб-хлеб!

Теперь он точно плачет. Опустошённый поднос, много крошек, Лёка вор в раздутой от хлеба рубашке с узелком на-

ворованного.

– Почему так?!

– Надо-надо-надо! Холодно-холодно-холодно!

Лёка вспомнил, как в начале зимы Артемон велела принести пакеты из-под молока, и они всей группой вырезали кормушки для птиц, а потом вешали во дворе. Артемон бродила между деревьями и рассказывала, что зимой птицам надо хорошо питаться, чтобы не замёрзнуть насмерть. Лёка не понимал, как они согреваются от еды, – но разве Артемон объяснит? Артемон его убьёт... И гулять они уже неделю не ходят. Никто не кладёт в те кормушки вчерашний хлеб и семечки.

Он перекидывает через плечо ворованный узелок, выбегает в тёмный коридор, ещё и слёзы всю видимость размыли. Он бежит дальше, так же щупая стену, чтобы не пропустить нужную дверь раздевалки. Она следующая, она вот...

Лёка толкает дверь – и едва не проваливается в темноту: открыто. Маленькое окошечко под самым потолком пропускает свет фонаря, освещая ряды деревянных шкафчиков и разбросанных валенок. (Холодно-холодно-холодно!)... Надо одеться. Лёка легко находит свой шкафчик, натягивает тулуп (не застёгивается из-за раздутой рубашки! Только одна пуговица вот...), попадает ногами в чьи-то валенки (некогда читать метки!), варежки, шапка («Холодно-холодно!»). Можно идти дальше. В конце коридора – выход.

Тяжеленная дверь, Лёка нащупывает её сквозь варежку, толкает... («Холодно-холодно-холодно!») Ещё немного – и

у него разорвётся голова. От неголосов, от слёз, от того, что он вор и Артемон его убьёт... Дверь заперта. Лёка снимает варежку и ощупывает ледяной железный засов. Его бы сдвинуть – и всё! Он наваливается всем весом на засов, но тот как будто примёрз. В ладони впивается железный мороз, пальцы уже не слушаются, и снова хочется плакать – уже от бессилия. («Холодно-холодно-холодно!») Кажется, пальцы уже примёрзли к проклятому замку. Лёка толкает изо всех сил, и оглушительный железный грохот разносится по спящему саду. Лёка спотыкается у полуоткрытой двери, в щель тут же врывается ветер и хватает за лицо.

– Вы где?! – Лёка бредёт в темноту, туда, где не достаёт фонарик над крыльцом. – Вы где, ау?

– Здесь-здесь-мы-здесь...

Лёка оглядывается – и никого не видит, кроме угрюмых голых деревьев. В сугробе у самой ноги что-то чернеет. Он нагибается, берёт в руку что-то лёгкое, серое. Маленькие когти цепляются за варежку.

– Замёрз... – Воробей. Ещё живой!

Лёка дышит на птичку в руке, другой рукой достаёт из-под рубашки куски хлеба, чтобы освободить место для воробья, бросает на снег. Кладёт воробья за пазуху, поверх кусков хлеба.

– Сейчас-сейчас... Сейчас ты согреешься...

На брошенный хлеб налетает серая туча. Бесформенная, огромная...

– Холодно-холодно! Холодно! – снег будто накрывает чёрным шевелящимся платком.

– Я сейчас... – Лёка разворачивает хлебный узелок и едва успевает отскочить – на него налетает новая туча маленьких шумных птичек. Он лезет за хлебом под рубашкой, рвёт пуговицу, она падает в снег, и тут же на неё налетают воробьи. Лека выхватывает куски хлеба, они крошатся в руках, бросает, бросает на снег. Сколько же он его набрал...

– Холодно-холодно-холодно! – По голове, по лицу, по плечам и рукам бьёт что-то лёгкое и царапают маленькие коготки. Вокруг становится ещё темнее: уже не только снег, а и Лёку будто накрыли огромным колючим одеялом.

– Подождите вы! Сейчас! – Пальцы заledenели. Лёка быстрее, быстрее, бросает хлеб перед собой в эту темноту шевелящихся воробьёв...

Что-то царапнуло у самого глаза, Лёка зажмурился и упал на колени, потому что в спину толкнули. Или показалось? За шиворот будто сунули снежок. Лёка охнул, и тут же несколько быстрых снежков влетело за воротник, в рукава, под полы тулупа, под рубашку, где ещё оставался хлеб... Холодно!

– Холодно-холодно-холодно! – кто-то трогал лицо, волосы, забираясь ледяной рукой под шапку, кто-то дёргал-распахивал тулуп и проникал под него ледяной ладонью. И коготки! Маленькие коготки царапали везде, Лёка боялся открыть глаза.

– Да подождите же! Хлеба много!... – Негнущимися паль-

цами Лёка шарил под рубашкой, доставая и бросая новые куски. Рука то и дело натыкалась на холодные перья и коготки под его собственной рубашкой, там был уже не один, а наверное, десяток воробьёв...

– Холодно-холодно-холодно! Хлеб-хлеб-хлеб!

Ноздрю царапнули внутри, рывком, как будто подсекают рыбу. Лёка почувствовал, как полилось тёплое. И тогда он завопил. Самому заложило уши от собственного крика, через секунду кто-то царапнул рот, Лёка его захлопнул, но продолжал мычать от ужаса.

«Воробьи! – твердил он себе, сам не понял, на каком языке. – Это всего лишь маленькие воробьи, они замёрзли, они голодные, им нужно согреться, вот они и лезут за пазуху и под шапку, под рубаху, где ещё остался хлеб...»

Шапка слетела, и холод вцепился в уши – или это тоже были коготки, Лёка уже не мог понять, что и где. Так и стоял на коленях, зажмурившись, чувствуя, как на нём шевелится рубашка, тулуп и, кажется, даже толстые штаны. «В шортах. Ещё есть немного хлеба в шортах, вот они и лезут под ватные штаны, чтобы добраться...» Лека пытался нащупать карман шортов, кажется, хлеб раскрошился и вывалился из рваного кармана. Он выгребал что было, в руку впивалась резинка ватных штанов, перья лупили по лицу и холодили под рубашкой. Коготки царапали всего, вспыхивая тут и там мелкой болью, глыбой навалился мороз, Лёке казалось, что он уже весь в сугробе, с головой покрытый снегом, и эти когот-

ки – это от холода. В голове гудело это бесконечное «Холодно!». Лёка замер в своей нелепой позе, боясь шевельнуться и открыть глаза.

– Холодно-холодно-холодно!

...Ещё у холода были странные вспышки. Вроде ровный холодок, потом раз – в одном месте будто форточку открыли, и тут же опять чуть теплее. Перья скользили по тулупу и голой коже, воробьи не умолкали и, кажется, одновременно чирикали на своём обычном.

Острый клювик вонзился в голый живот, Лёка взвыл, не разжимая губ, приоткрыл глаз и в щёлочку увидел снег. Кусочек снега. Всё впереди было по-прежнему покрыто шевелящимся чёрным платком, он сам был под этим платком, только чуть поодаль – маленький кусочек белого снега. Кое-где на нём чернели неподвижные тёмные пятна, некоторые с распростёртыми крыльями, уже три или пять, он не успел разглядеть. Одно вылетело у него из рукава, сильно, будто вытолкнули, шмякнулось в снег, да так и осталось лежать... Они что, дерутся? «Воробьи любят подраться, Луцев», – откуда-то в голове всплыл голос Артемона. Лёка знал это и без неё, но в тот момент, стоя на коленях в сугробе, облепленный стаей воробьёв, не мог осознать. Воробьи. Дрались насмерть за хлеб у него под рубашкой, за тёплое место под Лёкиным тулупом. Дрались и не умолкали:

– Холодно-холодно-холодно!

– Тише! Только не деритесь!

Клювик стукнул по виску, кажется, назревала новая драка, Лёка рывком поднялся с колен – и тут же ухнул обратно, как будто сзади кто-то дёрнул за воротник.

– Вы же поубиваете друг друга! Места всё равно всем не хватит, да я сам уже с вами замёрз!

– Не хватит! Не хватит! Не хватит! – подхватили воробьи, и маленькие коготки с новой силой зацарапали где-то под мышкой.

Лёка ещё раз попробовал встать – и тут же получил клювом в бровь.

Он взвыл, на этот раз открыв рот, и маленькие коготки тут же зацарапались во рту:

– Тепло-тепло-тепло!

Лёка попытался выплюнуть воробья, но тот вцепился когтями. Боль была такая, что голова закружилась и воздуха перестало хватать. «Он меня задушит!» В зажмуренных глазах забегали цветные пятна. Правой ногой стало неожиданно тепло, даже горячо с непривычки, и на душе стало легче, Лека даже не сразу понял, что случилось.

Воздух! Не хватает воздуха! Стачив варежку, Лёка полез рукой в рот, нащупал мягкое и потащил, пытаясь мизинцем отцепить когти. Воробей не хотел уходить из тёплого места и держался намертво. Тогда Лёка дёрнул – и завопил от боли. Рот наполнился чем-то кислым с железным привкусом, Лёка уже без всякой жалости отшвырнул воробья и вдохнул полной грудью ледяной воздух. Мороз набросился на ногу в

насквозь мокрой штанине. Лёка взвыл и закрыл лицо руками. Он не писал в штаны уже много лет.

Хотелось плакать, и он заплакал. От боли, от унижения, от холода, от того, что ему никогда не спасти всех. Он же хотел как лучше, а они... Да они и его, пожалуй, склюют по кусочку, чтобы добраться до остатков хлеба. Склюют! Легко, их же много! Нетушки!

Лёка рывком вскочил на ноги, выдернул из-под резинки штанов полы рубашки, чтобы вывалился оставшийся хлеб. Воробьи заголосили ещё оглушительнее:

– Куда-куда-куда?

– От вас!

Лёка побежал, не открывая глаз, втаптывая хлеб в снег. Он боялся открыть глаза. Казалось, воробьи только этого и ждут, чтобы клюннуть. Они по-прежнему сидели на нём, копошились под тулупом и под рубашкой, Лёка уже почти перестал чувствовать боль от коготков. По макушке тюкнул клювик, кажется, кто-то спикировал на него сверху. Шапку потерял. Сунул руки под тулуп, зашарил на ходу, выбрасывая воробьёв:

– Отвяжитесь!

– Холодно-холодно-холодно!

Несколько шагов по сугробам, он споткнулся, упал. Голове стало легче, но лишь на секунду. Только он поднялся на ноги, как опять почувствовал эти коготки: на голове, на руках, на лице!

– Отстаньте!

– Холодно-холодно-холодно!

Лёка смахнул воробьёв с головы и с лица. Коготки больно царапнули лоб. Надо бежать! Чуть приоткрыл глаза: вот он, корпус детского сада, ещё несколько шагов...

– Холодно-холодно-холодно!

По лицу мазнули перья, Лёка в ужасе закрыл лицо ладонями и побежал. Сугробы мешали, он увязал по колено, а воробьи не отставали: под рубашкой, под тулупом, на голове – они были везде...

Лека споткнулся о крыльцо корпуса, клюнул ладонями снег и приоткрыл глаза. Он лежал на ступеньках, ещё один шаг...

Дверь дёрнулась и распахнулась, ослепив лучом электрического света. На пороге стоял круглый силуэт, кажется, ночной нянечки. Точно её, потому что из-под прижатых к груди рук выглядывали концы знакомого платка.

– Лёня, что за фокусы?!

Лёка почувствовал, что у него кончается воздух. Это глупо: вон его сколько, а он кончался. Где-то в груди поселился упрямый ком, он толкался и не давал вдохнуть. Воробьи ещё были рядом и, должно быть, так увлеклись, что не заметили ни нянечки, ни света. Лёка не мог ответить. Не отнимая рук от лица, он пытался сделать вдох, твердя себе: «Только не открывать лицо, только не открывать!» Он боялся получить клювом в глаз – и ещё почему-то боялся, что нянечка его

узнает, хотя она уже... А воздух всё не шёл, а воробьи всё возились, всё дрались, всё царапались и всё долдонили своё «Холодно-холодно-холодно!».

Глава IV

Плохо...

Больницу Лёка плохо помнит. Так, урывками.

Помнит, что валялся долго, как ни разу в жизни, помнит бесконечный поток врачей и как запретили смотреть в зеркало, чтобы он не пугался. Что он, девчонка?! В палате мальчишек и так не было зеркала, но если сказали «Не смотри!» – кто ж не посмотрит!

Лёка пошёл в палату к девчонкам, они подняли визг, а зеркала не дали, потому что у них тоже не было. Только Галка, понимающий человек, отвела его в сторону и показала секретный туалет медсестёр, куда бегают девчонки, чтобы посмотреться в зеркало.

– Только надо так, чтобы тебя не заметили, – учила Галка, будто Лёка маленький.

В зеркале был незнакомый мальчик. Лёка видел такое лицо только у деда Славки. Он говорил, что маленький болел ветрянкой, от неё остаются шрамы-точечки, которые делают лицо похожим на огромный апельсин. Но у Лёки, пожалуй, было получше. Несколько красных точек на лбу, несколько на висках и самые страшные – над глазами. Эти воробьи ничего не соображают! С досады Лёка чуть не врезал по зеркалу, но его руку осторожно перехватили. Медсестра.

– Шрамы мужчин украшают. А у тебя и следа не останет-

ся. Это сейчас они жутко красные. Потом побледнеют и стянутся в маленькие блестящие точки. Ты вырастешь и всё забудешь.

Зачем она врала?! Лёке так хотелось, чтобы то, что она сказала, было правдой, но она врала. Это нельзя забыть. Цветочный язык нельзя забыть! Нельзя забыть воробьёв и те неголоса, тысячи неголосов, которые он слышит в больнице.

Он надеялся, что они ему снятся. Как в тот раз, с воробьями. Он слышал цветы на подоконниках, котов на задворках больничной кухни и крыс в подвале, от которых эти коты его стерегли. Но крысы, наверное, правда снились. Лёка отчаянно хотел в это верить.

Крысы сидели где-то в темноте, умывались, как кролики, и наперебой болтали:

– Знаешь, что мы едим здесь, в больничном подвале? Угадай, маленький больной мальчик. Если тебе не повезёт – мы будем сыты. – И они подмигивали чёрными глазками.

Лёка вопил во сне и не просыпался, потому что не мог. Он старался, сжимал кулаки, пытаясь открыть глаза, силясь проснуться, – и не мог. Тогда он выискивал вокруг что-нибудь, чтобы бросить в крыс, и чаще всего это оказывалась маленькая сгоревшая спичка или шарик скомканной бумаги. Хватал в отчаянии:

– Убирайтесь! – и бросал, потому что надо было что-то бросить.

Но крысы только улыбались, растягивая невидимые губы:

– Мы здесь, маленький больной мальчик, рядом с моргом. Знаешь, что такое морг? Можешь и узнать...

Давно, до слёз давно, ещё в нормальной, нецветочной жизни, когда умерла бабушка, мать потихоньку ворчала на ухо соседке: «В больничном морге огромные крысы. А ну как объедят – как хоронить-то будем?»

Говорят, в снах люди могут вспомнить то, что было очень давно. Лёка в том сне зажимал уши, зная, что не поможет, и пытался распахнуть глаза. Сон не отпускал – так бывает, когда температура. Лёка откуда-то это знал, кто-то ему говорил, там, наяву, не на цветочном, на обычном языке... Медсестра. В тот раз у зеркала она обманула его.

* * *

Лёка видел этого незнакомого страшненького мальчика в зеркале и понимал, что дело не только в шрамах, шрамы и впрямь пустяковые. Перемена была в другом. Он не мог понять, что изменилось в его лице, но видел не себя. Это «Следа не останется» было враньём, таким глупым, таким наглым: вот он, след, он уже на лице, как печать.

Может быть, Лёка просто повзрослел в ту ночь? Мать говорит, что от горя стареют – и да, теперь Лёка имел мужество признать: его тайна была самым настоящим горем. Бедой, огромной, неподъёмной бедой, которую точно не забудешь, когда вырастешь. Мать, когда что-то идёт не так, вздыхает:

«За что мне такое проклятье?!» – вот это самое Лёка и чувствовал. Проклятье.

Незнакомый страшненький мальчик в зеркале поплыл пятнами. К горлу подступили слёзы, Лёка вывернулся из рук медсестры и побежал к себе, оглушительно топая по коридору. Он ревел в голос, как младенцы, а не как взрослые. Понимающий человек Галка, которая должна была стоять на шухере, пока он, Лёка, смотрит на незнакомого страшного мальчика, деликатно отвернулась к окну.

* * *

...Помнит, как однажды в окно ударил снежок. Кто-то из соседей по палате (Лёка их не считал, их столько сменилось, пока он был в больнице) подбежал босиком к окну и крикнул:

– Луцев, к тебе!

Кое-как встал, добрёл до окна, прислонился носом к холодному стеклу.

Внизу, очень далеко на земле, стояла мать и махала ему. Лёка помахал, чтобы отвязаться, и подумал, что так и не поговорить, потому что окна заклеены и открывать, наверное, нельзя... Ну и хорошо. Ему не хотелось говорить, ему хотелось спать, но тоже было нельзя – из-за крыс. И ещё хотелось апельсинов. В больной голове само сложилось это слово на цветочном языке: «Апельсин». У матери внизу округлились

глаза, она отшатнулась в сторону и странно глянула на Лёку. Конечно, не ответила, но точно услышала, потому что уже через несколько дней медсестра принесла ему апельсины.

* * *

Помнит, как ещё в первые дни, незадолго до прихода матери, открыл глаза в этой больнице и долго не мог понять, где он. Потолок с ржавым пятном, розоватые стены – и со всех сторон какофония неголосов. Он как будто снял шапку, зажимавшую уши.

Неголосили со всех сторон, он даже неслов не мог разобрать поначалу, замер с открытым ртом, пытаясь различить, кто и где. «Больно». Снег близко к глазам – значит кто-то маленький. На снегу капельки крови. «Ухо! Крыса! Больно!» Гремит жесть, выходит во двор кто-то толстый в халате, вываливает из кастрюли на землю что-то вкусное, и коты, лениво поднимаясь с насиженных мест, стекаются со всех сторон... Кот. Коту крыса порвала ухо.

«Утро! Утро! Утро!» Сено, деревянные стены, похожая толстуха в халате с такой же кастрюлей, только вываливает кашу в алюминиевую мятую миску. Цепь звенит. Собака радуется утру.

«Всё! Всё! Всё...» Влажность, душный запах – и огромные белые зубы перед самыми глазами. Птичка в пасти у кошки.

«Бежим-бежим-бежим-бежим-бежим!» Свет. Много света. Тараканы на кухне.

«Воды. Воды». Цветок на окне.

Лёка различает только несколько неголосов, остальные сливаются в ровный гул, давят на голову и живот, а ему и так больно. «Больно! Больно!» – кажется, ещё один кот. Птичка затихла, и опять это «Больно!», только уже кто-то другой. Лёка никогда не поможет им всем. Мысль была простая и сокрушительная. Неголоса оглушали, талдычили наперебой, и почти всем было что-то нужно... «Воды!» Лёка зажал уши. Неголоса не отступали, они не могли отступить. Со всех сторон, то сливаясь, то разбиваясь на неголоса и образы. Картинки, запахи...

Лёка вскакивает хоть цветок полить, спотыкается обо что-то на полу и падает. Носом задевает металлическую раму кровати, короткая боль ударяет в нос. Неголоса разрывают голову и живот, тянут в разные стороны.

– Тихо все! – Слезы вырываются на волю, из разбитого носа тянутся тонкие вязкие струйки, оседая на штанах больничной пижамы с дурацкими голубыми зайчиками. – Тихо! – Лёка рыдает уже в голос и, кажется, кричит уже не на цветочном: – Я не могу! Я не хочу! Тихо!

Неголоса не отстают. И вроде кто-то что-то ему говорит на человеческом... Точно, говорит. На плечо ложится чья-то рука, Лёка оборачивается и видит перед собой испуганную физиономию Славика.

– Ты что, малахольный? Чего орёшь?! Я тоже не хочу здесь валяться – чего истерить-то?

Лёка с трудом понимает, что ему говорят, потому что неголоса не смолкают. Он вскакивает и бежит поливать цветок, но дурацкий Славик ловко ставит ему подножку, и Лёка растягивается на полу. От ужаса он ревёт ещё сильнее – хотя куда уже?!

– Давай не сбегать, а? Я сейчас медсестру позову! – Похоже, он хотел этим напугать.

Ерунда какая. Медсестра? Где-то в затылке, где ещё осталось место для человеческой речи в этой какофонии неголосов, возникает картинка: он в больнице. Да! Точно! Воробы, холод, простудился. А этот здесь что? Славик? Он теперь всегда будет его преследовать?

– Ты что здесь? – Лицо Славика далеко, он-то стоит на ногах, Лёка его толком не видит... «Воды!», «Больно!», «Каша! Каша!» – гудят в голове неголоса: какая разница вообще, что здесь забыл этот дурацкий Славик, надо цветок полить...

Лёка вскакивает, рвёт на себя дверь и влетает прямо в белый халат.

– Это что такое? – медсестра. Злая или не очень? Какая разница?!

– Цветок! – Лёка выкрикивает это, наверное, на всю больницу. – Надо полить цветок! В коридоре, там, где лампы и нарисованная мышка на двери кабинета! У кота ухо порвано! И это...

В затылке, где ещё оставалось место для человеческих мыслей и слов, засвербило: «Они не поймут! Никогда не поймут, они не слышат! И цветок останется, и кот...»

— Ты чего, малахольный? — Славик. — Вы не волнуйтесь, он всегда такой. Ещё летом поднял на уши всю группу, стал орать, что нужно полить все деревья вокруг.

— Молчи! — кажется, Лёка сказал это на цветочном. Славик странно глянул на него, но не замолчал: — А в этот раз утащил в столовке весь хлеб ночью и пошёл кормить птиц. Потому и заболел... — у него был очень самодовольный голос стукача. Хотелось врезать, но Славик был сильнее.

А медсестра как будто не удивилась и уж точно не рассердилась.

— Надо так надо. Давай так: я пойду полью цветы, а вы полежите. Оба! — она посмотрела на дурацкого Славика. — Скоро доктор придёт, а вы скачете тут, да ещё и ссоритесь. Он рассердится...

Дурацкий Славик, конечно, ныряет под одеяло, убеждая её нудным голосом пакостника:

— Нет-нет, мы не ссоримся.

А Лёка стоит, не зная, что делать, верить или не верить... Слезы ещё льются, и дурацкая красная нитка из носа свисает на больничную пижаму.

— Ой, а кто тебе нос разбил?!

— Это он упал. — Славик, кажется, испугался, что его сделают виноватым.

Медсестра с подозрением смотрит на Славику и кивает Лёке:

– Ладно, ложись. Давай сперва нос вытрем. – Она уходит, потом возвращается с ватой и шипучей гадостью, которая щиплет, а цветок так и стоит неполитый. И кот...

У Лёки опять наворачиваются слёзы, но медсестра думает, что это из-за разбитого носа, и обещает, что до свадьбы заживёт.

* * *

Цветок она полила, Лёка это заметил. А вечером пришла в палату и спросила, как он узнал про кота.

Пальцы у неё были перемазаны зелёнкой, а на руке алели свежие царапины, явно оставленные кошкой. Лёка сразу понял: ему поверили! Медсестра обработала коту ухо: нашла, обработала! Улыбка сама собой поползла к ушам: это здорово. Лёка думал, кот притих потому, что смирился, а вот...

– В окно видел, – он старательно изобразил честный взгляд, да ещё и кивнул на окно.

Медсестра подошла к окну, прижала ладони к стеклу, закрываясь от света:

– Темно уже... Они обычно с другой стороны бегают, поближе к кухне. Ты в коридор выходил, да?

Лёка не выходил, но зачем-то признался. Наверное, ей так будет спокойнее. И ему тоже.

...Помнит, как не мог есть. В тот день почему-то принесли сразу обед, наверное, завтрак он просто проспал. Прямо перед глазами, напротив его кровати, в желтовато-грязной стене светилось глупое окошечко доставки. Его тогда перекрыл огромный белый халат, и в окно просунулась толстенная рука с тарелкой:

– Обед!

Как будто через дверь войти нельзя.

Лёкины соседи засуетились, расхватывая тарелки, а Лёка лежал таращился, словно всё это не с ним и это кино. Почему-то опять вспомнился тот глупый фильм про браконьеров.

Последняя тарелка с чем-то жутко красным возникла в окошке, и никто за ней не подошёл. Наверное, это для него... Не хотел вставать. Или всё-таки не мог?

– Кто не ел?! – голос за окошком был властный, высокий.

Кто-то из соседей цапнул тарелку, поставил Лёке на тумбочку, сделав жуткую розоватую лужицу, сунул Лёке ложку, что-то сказал...

Лёка сел на кровати, оглушённый неголосами: тут и там кричали, плакали, звали на помощь. А он здесь...

– Ешь! – рявкнул ему в ухо сосед, и Лёка даже потянулся ложкой к этому кроваво-красному борщу. Может быть, даже и поел бы, так, по привычке: раз говорят «Ешь!» – значит

надо. Но там плавал кусок мяса. С волокнами, розовым от свёклы жиром: чья-то последняя боль, чья-то смерть, сваренная с овощами, в мутно-белой тарелке с трещинкой.

Если бы было чем, Лёку бы, наверное, вырвало. Конечно, он не слышал, не мог слышать кого-то давно убитого, конечно, тому уже не больно, конечно... Он так и сидел, оцепеневший, уставившись в кровавый борщ, в чужую боль, которую ему предлагают есть. Вокруг смеялись, болтали, кричали, а потом вошла эта.

Огромная, как гора, санитарка или повариха, как они там называются – те, кто развозит больничные обеды. Она еле прошла в дверь и рывкнула:

– Кто посуду не сдал?!

Все притихли. Даже Лёка оторвал взгляд от жуткой тарелки. А эта подошла, встала над ним. Было страшно поднять глаза. Ухо щекотал грязноватый тёткин халат, от которого пахло мясом и силосом. Смертью.

– Это что за новости?! Быстро ешь, за шиворот вылью! – от её вопля, наверное, оглохла вся палата. – Надо есть! Умереть хочешь?! – она вопила так, как будто Лёка и правда умирает. Она вопила – а его голова сама вжималась в плечи.

Лёка думал, не сможет, думал, вырвет, думал, в обморок упадёт. Но рядом с тёткой-горой съел как миленький и первое, и второе (компот ещё раньше стащил Славик, а Лёка и не возражал). Когда он доел последнюю ложку, тётка отобрала посуду, пригрозив:

– Смотри, чтобы в первый и в последний раз! – И ушла. Наконец-то ушла.

В животе и почему-то рукам было тяжело. Лёка плюхнулся на кровать обессиленный, как будто дрова колол. Соседи захихикали, зашептались, кто-то сказал какую-то гадость. Всё равно. В ушах ещё гремел голос жуткой тётки. Надо есть, чтобы не привлекать её внимание. Вообще надо есть, чтобы не привлекать ничьё внимание. Поел бы сразу – так бы она и осталась толстой рукой в окошке доставки. А она – вот...

* * *

...Помнит, как после того зеркала не мог уснуть и лежал, уставившись на тёмные разводы на потолке. Ещё летом он лежал так же на тёплой земле, смотрел на облака, а не на это жёлтое даже в темноте безобразие, слушал дерево, и всё было хорошо. А теперь...

– Плохо... – неголос был где-то рядом.

Перед глазами возникло что-то белое, в нос ударил противный и странно знакомый запах. Опять! Лека устал плакать по своей беззаботной жизни. Было ещё обидно: «Почему я?!» – но тогда он вспоминал, как долго и старательно тренировался сам, как пытался сказать хоть что-то на загадочном цветочном языке. Ведь он сам этого хотел – чего теперь-то?... А чего тогда другие не хотели? Дело не в тренировках или хотя бы не только в них, Лёка это чувствовал.

– Плохо... Плохо...

Лёка напрягся, но не увидел ничего нового, кроме белизны, не услышал ничего нового, кроме того запаха...

– Ты в туалете, что ли?

– Плохо...

Лёка откидывает одеяло, и на тело тут же нападает лёгкий холодок. Опускает ноги: пол ледяной, где там тапочки? Тихонько выходит, глядя на ряды белых пододеяльников. Спят, глухие, а он должен слышать это всё...

В коридоре тусклый дежурный свет. Пост медсестры пуст. Наверное, ушла поспать часок в ординаторской, один Лёка тут...

Грязноватая дверь туалета скрипит на весь коридор. Темно. Лёка нашаривает выключатель – и зажмуривается от света. Лампы зажигаются не сразу, а мигая, перемигиваясь, одна за другой, одна за другой, пока не успокоятся. Тогда они будут гудеть, тихо-тихо, но всё равно на нервы действует...

– Плохо...

Никого. Ряд унитазов, ведро и швабра в углу... Наверное, кто-то маленький...

Сердце застучало в ушах и ухнуло куда-то в живот. Лёка уже догадался, кто там такой маленький. В голове закрутился этот жуткий сон, из-за которого Лёка боялся засыпать: «Угадай, что мы здесь едим, маленький больной мальчик!» К горлу подступила тошнота, а в голове стучало: «Угадай...»

– Крыса!... Кры-са! – он пытался позвать котов, но на цве-

точном выходило только это «Крыса!». – Здесь крыса! В туалете крыса!

– Плохо...

Лёка хватает швабру, с грохотом падает на пол жестяное ведро: отлично! Меньше всего ему хочется оставаться с крысой один на один – может, разбудит кого-нибудь это ведро, если коты не откликаются...

– Крыса! Крыса! – он ещё попробовал позвать котов, но выходило опять это глупое слово «Крыса»... Держа швабру перед собой, Лёка заглядывает в каждый угол: – Где ты? Ну где? Специально заманиваешь? Я живой!

– Здесь... Плохо... – Под батареей валяется какая-то мокрая тряпка. Лёка осторожно приседает, чтобы разглядеть.

Маленькая серая тряпка, удивлённо открытая пасть, резцы – жёлтые, длиннющие... Лёка не видел ни крови, ни ран – чего плохо-то? Крыса тяжело дышала. Чёрные глазки-бусинки удивлённо таращились в стену.

– Плохо...

– Тебе... Подарок. – Этот неголос был другим. Он доносился, кажется, с улицы, но там было тепло. Сидя на корточках у батареи, Лёка слышит запах сена и пыльного сухого мешка из-под крупы и будто слышит... не слышит – чувствует кожей кошачье мурлыканье.

– Тебе, – повторил кот. Кажется, ухо у него ещё побаливает.

Лёка так и сидит на корточках, уставившись на крысу. Она

лежит на боку, маленькая и совсем не страшная...

– Плохо...

– Подарок.

Лёке хочется вскочить и завопить «Я не ем крыс!» – но он помалкивает. Нельзя обижать кота. Не хочется. У него, у Лёки, не будет других друзей, в смысле друзей-людей, а не цветов и животных. Эта мысль зрела давно, а теперь явилась во всей красе. Даже крысу обижать не стоит.

– Плохо...

– Сейчас будет легче. Потерпи... – Лёка не понял, кого уговаривает: себя или её. Крысе уже не помочь. Ей очень больно.

Лёка переворачивает швабру палкой вперёд, рывком вытаскивает крысу из-под батареи. На кафеле остаётся ржавая дорожка, как если бы и правда грязной тряпкой протёрли. Руки трясутся. Лёка набрасывает на крысу тряпку, чтобы не видеть, хотя понимает, что бесполезно. Он видит, он слышит, в этом беда. Ей очень больно. Так не должно быть, даже с крысой не должно!

– Сейчас...

Перехватывает палку поудобнее – удар! Дерево шмякнуло по мягкому. Кажется, крыса охнула вслух, но это было уже не важно. Всё. Лёка шумно выдохнул, и самому стало легко. Он знал, что всё.

Голова кружилась, наверное, от удушливых запахов. Лёка зажмурился, осознавая, что сделал, и боялся открыть глаза.

Тихо как. Ни шороха, ни неголоса, ночь, все спят. Только он стоит как дурак – в трусах со шваброй посреди туалета. А если кто-то войдёт? Надо убрать. Надо убирать за собой, даже если тебе страшно открыть глаза.

Он провозился почти час, отмывая туалет, потом руки... Тельце боялся трогать. В конце концов сгрёб в совок и смыл в унитаз. Крыса уплыла. Не с первого раза. Но когда уплыла, стало спокойнее.

В ту ночь Лёке уже не снились страшные крысы. Никогда больше не снились.

Глава V

Пирожок

Потом была поездка в город. Не в тот, где больница, а в большой, далёкий, Ленинград или даже Москву. Это было уже весной, после выписки. Лёка с матерью ехали на поезде долго-долго, даже ночевали там на странных полках, похожих на полати в бане, только кожаных. Лёке досталась верхняя. Он лежал смотрел в окно и наслаждался тишиной. Никто не говорил с ним на цветочном языке, не жаловался и не звал, ни в поезде, ни снаружи. Наверное, поезд ехал слишком быстро. Только на одной из станций он услышал собаку.

Тут и там сновали торговки со всякой всячиной, пассажиры, вышедшие купить пирожок или газету. Лёка выходить не хотел, мать заставила: «Двадцать минут стоим, належишься ещё. Неужели самому неохота размять ноги?» Охоты не было, но Лёка пошёл, что делать. Слез со своей полки, накинул курточку («Застегни как следует, только что из больницы!»), спустился за матерью на платформу по жутковатым железным ступенькам. Они высокие и узкие, того и гляди нога провалится.

На платформе было солнечно и беспокойно. К Лёкиной матери тут же подскочила бабулька с детской коляской и завопила, как на рынке:

– Пирожки! – хотя у бабки не было в руках ничего, кроме

этой коляски. В таких колясках же детей возят – какие ещё пирожки?

Лёка вцепился в мать, а эта с коляской подошла ещё ближе, чуть не наехав колесом Лёке на ногу, и стала уговаривать:

– С чем ты хочешь, смотри: у меня есть с повидлом, с капустой... – Она откинула тент коляски, и Лёка невольно зажмурился... – Смотри же! – бабка (точно бабка, мать Лёка держал за обе руки) тронула его за рукав. Лёка распахнул глаза. В коляске на рыжей клеёнке в рядок стояли алюминиевые кастрюли с закрытыми крышками. Бабулька стала открывать всё по очереди, и там действительно были пирожки.

Лёка шумно выдохнул. Нет, он не маленький, он знает, что нет никакой Бабы-яги, которая живёт в лесу и ест детей. Но эта коляска... За спиной торговки мельтешили точно такие же бабульки с детскими колясками, да ещё вопящие «Пирожки!», и мысль о Бабе-яге не хотела уходить.

Матери, кажется, тоже было неудобно. Она что-то промычала, потянула Лёку прочь от бабки...

– С повидлом, – прозвучало на цветочном языке.

Лёка встал под раздражённым взглядом матери и забегал глазами: на платформе было столько всего: торговцы, пассажиры, огромные котлы с плавающими солёными огурцами...

– Кто здесь?

– Иду.

– Ну? – торговка догнала и наклонилась прямо к нему.

Мать, не сводя глаз с грязноватой коляски, опять потянула

Лёку восвояси:

– С-спасибо...

– С повидлом! – быстро выпалил Лёка. – Можно, мам?

Мать глянула на него: «Ты правда хочешь это есть?» – но торговка так шустро откинула крышку, подхватила пирожок и завернула в бумажку, что матери оставалось только молча полезть за кошельком. Лёка оглядывался (ну где оно?), когда ладонь защекотал тёплый мех. От неожиданности он отдёргнул руку.

Собака. Огромная грязно-белая, похожая на поседевшего волка, она сидела у Лёкиной ноги, вопросительно подняв морду:

– С повидлом, пожалуйста.

Лёка думал, этого слова нет на цветочном языке. «Спасибо», «Пожалуйста» – он не слышал этого от животных. Торговка уже протягивала ему пирожок, когда мать заметила пса и, пятясь, потянула Лёку к себе:

– Это что такое? Ну-ка кыш!

Собака покладисто сделала несколько шагов в сторону, не сводя глаз с пирожка.

– Она не злая, мам...

– Откуда ты знаешь, знаток?

Собака ждала. Лёка цапнул пирожок, вывернулся у матери, быстро, пока она не сообразила, подскочил к собаке и протянул пирожок ей:

– Скорее!

Мать за спиной уже кричала «Отойди сейчас же!» – но почему-то не подбегала, не оттаскивала Лёку. Собака деликатно, за бумажку, взяла пирожок и драпанула прочь:

– Спасибо. Пока.

Лёка только моргнул, а собаки уже не было видно: только толпа и огурцы-пирожки-газеты. Она знает «Пока» и «Спасибо», и... Что-то было не так, Лёка чувствовал, но понять не мог...

– погоди! А почему не с мясом?

– Надо... – неголос был уже далеко. – Не мне надо. Пока. Спасибо.

– Ну ты где там? Потеряться хочешь? – мать. Голос не злой. Уже не сердится?

Лёка повернулся: мать и торговка стояли в паре шагов от него. Торговка держала мать под руку и что-то ей шептала. Мать кивала рассеяннo и как-то задумчиво. Лёка расслышал только «Пенсия маленькая», и всё. Увидев, что Лёка идёт к ним, торговка резко замолчала, отпустила мать и полезла в свои кастрюли.

– Вот, держи, – она протянула ему второй пирожок. – Ты всё сделал правильно. – Они с матерью странно переглянулись, и та засобиралась на поезд:

– Идём уже, а то отстанем, что тогда? Спасибо-то скажи.

Лёка буркнул «Спасибо», сжимая в руке несчастный масляный пирожок, есть который не хотелось. Ему было неинтересно, о чём они там болтали, что ему нельзя слышать, он

думал о вежливой собаке. Интересно, кому она носит пирожки?

– ...Надо же, а? Вот как бывает... – мать шла за Лёкой по вагону поезда и бормотала что-то невнятное себе под нос. – Лёка понимал, что это не для его ушей, что она проговаривает это самой себе, пытаясь осознать или запомнить. – Вот так бывает...

– Как? – не выдержал Лёка.

Мать будто не слышала. Она плюхнулась на полку и уставилась в окно. За окном ещё было видно ту торговку. Она не смотрела на них, она смотрела по сторонам, беззвучно выкрикивая своё «Пирожки!».

– Как бывает, мам? Тётя знает эту собаку, да? А кому она носит пирожки?

Мать обернулась, рассеянно глядя сквозь Лёку:

– Догадался? Какой ты уже большой. Ну правильно: другая бы сглотнула сразу вместе с бумажкой, а эта, вишь, унесла...

– Кому? Тебе же тётя сказала!

Мать покачала головой и неопределённо шевельнула ладонью. Она так делает, когда речь идёт о каких-то взрослых делах, о которых Лёке знать ещё не положено. Было обидно, что его считают маленьким. И ужасно захотелось выскочить на платформу, найти ту собаку, расспросить... Хотя она, пожалуй, не ответит, Лёка сам не понял почему, просто ему так показалось.

– Собаки верные, Лёнь. Собака не бросит. Все бросят, а собака – нет... Тоже, что ли, собаку завести?

Лёка замер. Он никогда не просил собаку: ему не нравилось, что их держат на цепи на улице, даже зимой, когда холодно, даже летом, когда жарко. Но если построить тёплую будку и укрепить забор, можно обойтись без привязи. Собака хорошая. Собака вежливая и всё время радуется, как тот больничный пёс. Сидел на цепи на холоде, ни на что не жаловался, только радовался: утру, каше, даже котам радовался. Хорошо, когда животные радуются, Лёке легче. И ещё у него будет настоящий друг.

– Правда?!

Мать глянула на Лёку, словно её выдернули из каких-то важных мыслей.

– Что «правда»?

– Правда, что собаку заведём?

Мать смотрела непонимающе, как будто не сама только что говорила о собаке:

– Посмотрим...

– На моё поведение?

– На твоё здоровье.

* * *

...Здоровье оказалось паршивым. Обидно. Из всего огромного, оглушительного города Лёка запомнил только

лошадь милиционера и вредного молодого доктора. Их было много, тех докторов, в большом городе, больше, чем собак. Лёка с матерью только и делали, что бегали от одного к другому – как их запоминать? А этого Лёка запомнил. Этот сказал, что у Лёки какая-то там астма и что заводить собаку ему будет нельзя очень долго или даже всю жизнь.

Лёка разревелся тогда на всю больницу, да так, что медсестра пригрозила сдать его милиционеру. В доказательство она подвела его к окну. Там за окном дежурил милиционер на лошади. Лёка даже притих на секунду: он такого не видел.

Лошадь была рыжая, как понимающий человек Галка, и очень красивая как лошадь. На ней был форменный вальтрап со звёздочкой. Лёка жутко робел, но не мог не спросить: – Вы меня правда заберёте?

Лошадь повернула голову в Лёкину сторону. На улице было жарко, и окно кабинета было распахнуто, Лёка даже услышал её запах – запах кожаных ремней и шерсти. Она выгнула шею набок, наверное, чтобы внимательнее разглядеть Лёку и эту медсестру, которая ещё стояла за его спиной:

– Не бойся. Врёт. Дура.

Лёка расхохотался от таких слов, а медсестра стала оттачивать его от окна, да ещё и закрывать его зачем-то. Вредный доктор спрашивал мать что-то про нервы, а Лёка хохотал как ненормальный, забыв обо всём, даже о собаке.

...А потом, когда вернулись домой, на Лёку сразу, будто из-за угла, набросилась школа.

Глава VI

Прутик

Она даже выглядела унылой и какой-то грязной. Крыша, издалека видно, что покосившаяся, того и гляди свалится на голову; несколько печных труб торчат как иглы; окна будто никогда не мытые, и занавесок нет. Огромный вытоптаный двор без единой травинки, зато с доской-качелями, словно кому-то придёт в голову здесь играть.

...А ребята у школы ничего: смеялись, болтали, в глаженных рубашках, с цветочками все. Лёке мать тоже нарезала цветов, что настроения не прибавило. Он ещё спал, когда услышал, как они кричали, как плакали... Выскочил в одних трусах, стал отбирать ножницы, конечно, распорол себе ладонь, конечно, получил оплеуху, и цветы были уже срезаны. Они будут умирать медленно в какой-нибудь уродливой вазочке, каких полно в любом школьном классе, будто за этим в школу и ходят, чтобы любоваться умирающим цветами. Держать в руках это было жутко, но Лёка ничего не мог поделать. А мать не понимала:

— Ты же не хочешь в первый же день опозориться перед учителем? Давай без этих твоих глупостей хоть сегодня. А вечером пирогов напечём, праздник как-никак.

Ничего себе праздник!

Дурацкий Славик тоже был здесь, с Юркой, Витькой, да

почти со всеми ребятами с пятидневки, со всей бандой. А мать такая:

– Ой, там ребята, идём поздороваемся! – будто Лёке надо. Пошёл.

Она-то пошла к их матерям, сбившимся в стайку чуть поодаль, а Лёку прямо втолкнула в этот улей дурацкого Славика.

– Привет, малахольный! – Славкины дружки засмеялись. А чего Лёка ждал – что Славик изменится? Война, начатая не один год назад, никуда не делась...

– Чего молчишь?

Ещё чего: с ним разговаривать!

Лёка молча показал Славiku язык и покрутил пальцем у виска. На физиономии Славика отразилась гамма чувств: удивление и что-то похожее на обиду: как это так – ему, дурацкому Славiku, показывают язык! Он выпятил нижнюю губу и привычно противным голосом заныл:

– Татьяна Аркадьевна!

Лёка сообразить не успел, что за «Татьяна Аркадьевна», они вроде уже не в садике, а Славкины дружки уже всю хохотали:

– Привычки детства! Ну ты даёшь!

– Что, Артемон в первый класс пошла?! Не знал!

Кто-то хлопнул Славика по спине, чуть подтолкнув в сторону Лёки. Славик сверкнул глазами, больше от неожиданности, чем от злости, и как бы нечаянно втолкнул Лёку в до-

щатый сарай с инструментами. Кто-то не закрыл дверь, она и стояла распахнутой. Лёка влетел, выставив ладони, и упёрся в стену. За спиной послышался новый взрыв смеха, дверь захлопнули, шаркнул деревянный затвор.

Темно. Ну и ладно! В щёлочку видно, как эти дурные хочут, как болтает с подругами мать, ничего не замечая вокруг. Умиравший букет помялся, но ему уже не помочь. Дурацкий Славик небось думает, что Лёка сейчас начнёт стучаться, реветь, – вот ещё! Если его здесь забудут, то и в школу можно не идти. Не ждать, пока заставят читать, не сидеть с дурацким Славиком в одной комнате по полдня. Хотя полдня ладно – это не пять суток, как раньше...

Вышла учительница в уродском платье, всех пересчитала, под хохот Славика и банды выпустила Лёку, даже, кажется, отругала, Лёка плохо помнит.

Он вообще не запомнил её лица, ни в первый день, ни в десятый: узнавал по уродскому платью, а зимой – по другому уродскому платью. Только классу ко второму стал кое-как узнавать её на улице в пальто, а после третьего с удовольствием забыл.

* * *

...Она оказалась злая. Всё время кричала на Лёку, что он лентяй, что не может сосредоточиться, ставила двойки, вызывала мать. Особенно её сердило, когда Лёка вставал по-

среди урока, чтобы полить цветы в классе.

Никто ж не польёт, если Лёка не польёт, полила бы сама – ничего бы не было! Не понимала! Вопила, срываясь на визг: «Луцев, сядь, ты срываешь мне урок!» Лёка разве срывал? Он тихо-спокойно брал лейку, набирал воды: зимой – из бака у большой печки, которая отапливала класс, весной и ранней осенью – из бочки с дождевой водой во дворе. И пока эта орала «Мать в школу, двойка в четверти!», спокойно поливал цветы в классе.

Дурацкий Славик, сидящий у окна, по своей подхалимской привычке преграждал ему путь, пытался не подпустить к цветам, а один раз даже спрятал горшок под партой – резко, грубо, как во всём... Он сломал тогда стебель.

Цветок закричал так, что Лёка закричал вместе с ним и, скорее всего, на человеческом, потому что в первый раз увидел, как у дурацкого Славика округляются глаза. Выронив лейку, Лёка набросился на него с кулаками. Получил, конечно. Потом мать вызывали в школу. Но урок дурацкий Славик усвоил и цветы при Лёке не трогал. Жаль, что только цветы.

...Хотя всё равно пытался мешать, когда Лёка их поливал во время урока: кривлялся, загораживал собой подоконник, исподтишка пинал Лёку по ногам. Лёка тогда лил воду ему за шиворот под вопли училки и в конце концов получал от неё метровой линейкой и от Славика на перемене получал.

После уроков училка бежала к матери скандалить, говорила даже, что Лёке место не в нормальной школе, а в специ-

альной, для дурачков, потому что он не только мешает учителю, но и в науках успеваает неважно. Мать сперва что-то ей шептала, как-то уговаривала, потом плакала: «За что мне такое проклятье?!» – и просила в последний-препоследний раз поставить троечки. Училка ворчала, но позволяла себя уговорить, и Лёка догадывался, кому должен быть за это благодарен.

* * *

Это было зимой, ранним вечером, когда спать ещё рано, даже мать ещё не приехала с работы, а на улице такая темень, будто за полночь давно. В большинстве домов ещё не горел свет (на работе же все), Лёка шёл по тёмной улице, видя только белый снег под ногами да редкие горящие окошки, настолько редкие, чтобы сохранилось это ощущение глубокой ночи.

Он возвращался от собаки из зелёного дома. Лёка не помнил и, честно говоря, знать не хотел, кто там её хозяин, его и дома-то никогда не было. В тот день собака опять осталась голодной, и Лёка принёс ей каши и воды. А потом ещё забалтывал несколько часов, чтобы она не скучала.

Он возвращался домой, шаркая по тулупу пустой алюминиевой кастрюлей, когда услышал:

– Танец! Танец! – Неголос доносился из ближайшего освещённого дома.

Это было так странно, что Лёка тут же рванул туда. Обычно жалуются, просят о помощи или, наоборот, делятся радостью, а тут... Неголос был вроде спокойный, даже равнодушный, но в то же время какой-то... вредный, что ли?

— ...Танец глупых тапок!

Лёка даже не спросил, кто там! Взбежал на крыльцо, не заботясь, что его не приглашали: от людей дождётся! Мало ли, что там — любопытно же!

Если бы он напряг человеческий слух, он бы без проблем услышал, что в доме играет музыка. Весёлая, хотя приглушённая, словно кто-то не хочет беспокоить соседей — глупо, если ты в частном доме, да ещё и почти всей улицы дома нет.

Лёка распахнул дверь, ворвался в комнату — и увидел. Кошка. Кошка скачет под музыку, охотясь за дрыгающимися в такт тапками.

— Танец глупых тапок!

Тапки плясали резво, заводно, аж самому захотелось. А в тапках, перед зеркалом, держа перед собой стул вместо партнёра... Лёка даже не узнал её. Точнее, узнал, но по уродскому платью. И первые секунды не мог поверить своим глазам. Училка. Его злая училка плясала со стулом перед зеркалом под весёлую музычку и, кажется, даже подпевала. Кошка охотилась за тапками.

Сперва он испугался, как пугаются всего странного. Закрыв лицо кастрюлей, попятился назад в надежде остаться незамеченным. Он бы и остался, если бы в коридоре не спо-

ткнулся о чей-то валенок и не грохнулся на пол, перешумев музыку.

Тапки (из-под кастрюли Лёка только их и видел) замерли на секунду, к неудовольствию кошки, которая продолжала цапать их лапой. Потом знакомый голос охнул:

– Луцев!

Лёка вылетел оттуда сам не помнит как. Он бежал со всех ног, балансируя кастрюлей, и, только свернув на свою улицу, притормозил, чтобы расхохотаться. Увиденное было странно – до жути, до смеха, до безобразия, Лёка не знал, как к этому относиться, но хохот рвался на волю сам.

С утра училка поймала его перед уроками и долго говорила, как надеется на его сознательность и на то, что это останется между ними. Лёка обещал (он и правда никому не сказал, даже матери). А на перемене потихоньку сбегал и отнёс кошке полпачки сметаны. Оно того стоило.

От этой общей глуповатой тайны добрее к нему училка, конечно, не стала. Но на какое-то время стала осторожнее.

...Зато дурацкий Славик с друзьями вечно подстерегал его в школьном дворе, чтобы сказать какую-нибудь гадость, поставить подножку, дать затрещину. К затрещинам Лёка относился философски, а к третьему классу ему уже казалось, что он превратился в одну большую мозоль.

Один раз Лёка особенно удачно налил воды за шиворот дурацкому Славику, хорошо налил: мокрое пятно было не только на спине, но и на штанах. Над Славиком тогда стали смеяться даже его собственные дружки: Витёк и Юрка прямо на уроке завопили, что он описался, а училка опять стала орать на Лёку, будто это он смеётся на весь класс... Славик тогда не стерпел.

Уже на перемене Лёка вышел на школьный двор к маленькой берёзке, единственному там дереву, узнать, не надо ли полить, и так просто – что в классе-то делать? Была весна, и на берёзке распускались маленькие зелёные листочки. Лёке нравилось на них смотреть просто так, молча.

Когда во двор выскочил дурацкий Славик, Лёка и сообразить ничего не успел, как оказался на земле лицом вниз. За руки с двух сторон схватили Юрка и Витёк, больно вдавив ладони в сухую землю. Дурацкий Славик рывком уселся Лёке на ноги:

– Какая-то Какойтовна (не помнит Лёка, как её там звали!) говорит, что тебя пороть некому, безотцовщина! Мы сейчас... – его прервал стон на цветочном языке.

Длинный, негромкий, без неслов. Лёка вдруг увидел у Славика в руке прут. Тонкий, гибкий с зелёными малюсенькими листочками... Дерево стонало. Совсем низко на

стволе, куда только мог дотянуться дурацкий Славик, белела ранка...

– Ты что наделал?! – Лёка рванул на себя руки, кажется, что-то там хрустнуло, и эти двое, которые держали его, отшатнулись почти синхронно, чуть не упав. Он перевернулся, ловко вывернул Славику руку с кричащим прутиком, надавил на костяшки, разогнул пальцы. Прутик упал. Лёка схватил его, пока этот не сломал, и побежал вон со школьного двора. Весна. Его ещё можно спасти. Лишь бы этот, лишь бы эти не погнались, не сломали прутик...

За спиной послышалось радостное улюлюканье и вопли «Малахольный». Значит, не погонятся.

– Потерпи, я поставлю тебя в воду, ты дашь корни, ты вырастешь большой-пребольшой берёзой, ты будешь жить долго-долго и этих всех переживёшь. Их не будет, а ты будешь.

– Больно... – ответил прутик в руке. Ещё бы не больно!

Дома (мать была на работе, а то бы устроила скандал и погнала в школу) Лёка нашёл своё старое детское ведёрко для песочницы, вкопал на самом солнечном месте, чтобы не опрокинулось. Налил тёплой воды из бочки, поставил стонущий прутик.

– Больно...

– Больно, – согласился Лёка. Он чувствовал чужую боль, вряд ли в полную меру, но всё равно чувствовал, ему хватало. Разве есть живое существо, которому не хватает боли? Только эти... Да все: дурацкий Славик, эта, даже мать – не

слышат, не чувствуют, как можно... Прутик втягивал ранкой тёплую воду, от этого боль слегка отпускала, а у Лёки до ломоты сводило пальцы на ногах...

– Больно! – он завопил это на цветочном, громко, в него-лос, ему хотелось, чтобы его наконец-то расслышали люди. и училка, и даже Славик, и все-все. Они же могут слышать иногда его, Лёку, – почему не слышат остальных, почему такие глухие и злющие?! – Больно! Больно! Больно! – он вопил, перекрикивая прутик, хотя пальцы понемногу проходили, и всё не мог успокоиться.

Поднялся ветер, сильный, аж нос заложило. Зашумели деревья в лесу, зашептали:

– Тише, тише.

И Лёка сразу успокоился. Подумал, что прутик надо бы привязать, а то ветром унесёт. И ещё – что он кого-то разбудил. Кого-то в лесу, кого-то... Не смог расслышать кого. Далеко, наверное. Не стоило так орать.

Глава VII

Хороший

Ночью лес волновался. И сосны, и лиственные, и кустики, и даже кое-где уже проросшая молодая трава – всё шевелилось, шелестело и шептало вразнобой:

– Пора! Пора!

Лёка открыл глаза и вытаращился на паклю в потолке, пытаясь понять, кто же его зовёт. Неголоса перебивали друг друга, Лёка с трудом расслышал это «Пора», понял только, что из леса – а что там такое, куда там пора?.. Ещё появилось какое-то странное цветочное ощущение: не в животе, как обычно, а под кожей. Оно стучалось, оно щекотало и ничего не говорило. Будто его зовёт кто-то ещё, кто почему-то не может говорить. Умеет, но не может.

– Ты... ты в лесу, да?

Неголос опять толкнул под кожу, Лёка так и не понял, «Да» это или «Нет»: оказывается, и в цветочном мире бывает своя немота. А лес бушевал. Шумели, уже в голос, деревья, Лёка слышал сквозь своё тонкое оконное стекло, охала без неслов молодая травка. Кажется, под ней нагревалась земля...

– Что?!

Лёка сел на кровати. Земля нагревается от солнца, которого ночью нет, в дурацких рассказах, которые читает им эта

в школе, и ещё... от огня?! Лёка напрягся изо всех сил, слушая, что же там в лесу. Неужели пожар?! Деревья шумели наперебой, в голос кричали птицы и маленькие животные — и все звали, звали:

— Душно.

— Тяжело.

— Помоги.

И ещё немой неголос толкался под кожей, он хотел что-то сказать, но не мог. Пожар?! Только вот Лёка не чувствовал жара. Тепло — да, земля нагревалась, но не жгла. И всполохи огня он бы наверняка увидел...

Земля шевелилась. Деревья словно обтрясали корни, как люди отряхивают ноги от снега, маленькая травка скатывалась по склону, унося на корешках комья земли.

— Пора!

— Помоги!

...А немой всё бился под кожей, он хотел что-то сказать... Деревья просили не за себя! Это ему, немому, это из-за него... Тяжело. Что-то давит, не даёт говорить, даже на цветочном. Давит. Земля давит!

Лёка вскочил. Земля, он под землёй — тот, кто не может позвать его сам, он пытается выбраться, деревья его слышат... Неужели кого-то закопали живьём?!

Не помня, как оделся, Лёка вылетел во двор. Лопата в дровяном сарае, Лёка сорвал задвижку, схватил на ощупь сразу то, что нужно, бегом, насквозь через соседский двор, через

забор – только держись там!

– Бегу!

– Темно.

– Помоги.

Деревья, кусты и животные – все звали сразу со всех сторон: и дальние, и ближние, Лёка не понимал, куда ему бежать, и от ужаса бежал всё быстрее.

Кое-где между деревьями ещё лежал снег. В других местах, где ветки не заслоняют солнечный свет, уже пробивалась молодая травка. Деревья шептали наперебой и оглушительно шумели, будто подгоняли его, ноги сами уносили Лёку дальше и дальше в лес. Он не знал куда, но верил своим ногам. Бежал не спотыкаясь, даже ветки по лицу не задевали: это был знак, что всё правильно, что он правильно бежит, в нужную сторону...

Он остановился как будто не сам. Будто деревья ветками зацепили его за всю одежду сразу, не давая сделать больше ни шагу. Перед ним вздымалась земля.

Лунный свет проходил сквозь верхушки деревьев, освещая голый пяточок земли, небольшой, прямоугольный, как скамейка во дворе. Он шёл трещинами, вздымался, откалывались крупные куски. Они скатывались вниз по склону, а те, что выше, оставались на месте, опрокидываясь земляными глыбами с арбуз величиной. Лёка принялся отбрасывать их лопатой, чтобы не мешали. Этот немой под землёй, он пытается выбраться. Спohватившись, всё-таки спросил:

– Здесь?!

Деревья зашумели в голос без неслов, в пяточке лунного света мелькнула тень ветки. Ветка была странно похожа на человеческую пятерню, точнее, на руку, указывающую пальцем. Здесь. Земля и правда была тёплой, даже сквозь подошвы, сквозь брюки и куртку от неё шло тепло и струилось, искривляясь в воздухе, как дым от костра.

В земле, в том месте, куда указывала ветка, появилась очередная трещина, побежала в сторону. Лёка воткнул туда лопату, поддел. Твёрдая как камень, не вся ещё оттаяла, земля поддавалась с трудом. Лёка напрягся и выкорчевал здоровенный ком – он радостно покатился вниз по склону, Лёка тут же поддел другую трещину. Тепло. Жарко уже.

Сбросил куртку, потому что вспотел меньше чем за минуту, а трещины всё появлялись и появлялись. Земля вздымалась, как кипящая каша, Лёка выворачивал всё новые комья с маленькими корешками. Попадались и большие корни, Лёка их не задевал. Они словно сами шевелились, помогая освободить их от земли. Жарко. Рубашку сбросил. Руки тряслись от напряжения, по-взрослому болела спина, яма росла до обидного медленно.

– Держись...

Он не думал об этой человеческой чуши: кто там может быть живой на такой глубине. То ли от усталости в голове не помещалось больше одной мысли «Копать», то ли... Не важно! В прямоугольной яме он уже скрылся целиком, ко-

мья земли приходилось выбрасывать высоко. Другой бы подумал: «Это же могила!» – а Лёке было некогда.

Он не знал, сколько часов это длится, всё вокруг, даже деревья, перестало существовать: только он, земля и тот, кого нужно откопать. Тот, за кого просил лес, тот, кто не может просить за себя, но изо всех сил пытается освободиться, взрывая изнутри ещё не прогретую, но чудом тёплую землю. Лёка только немножко ему поможет...

Светало. Стены аккуратной прямоугольной ямы были выше головы и уходили в светлеющее небо. Лёка стоял на дне уже весь мокрый, без рубашки, босой – не помнил, когда успел разуться. Тогда-то лопата наконец ткнулась в мягкое.

– Тише!

– Тише!

– Тише!

Деревья, трава, птицы, белки, кабаны – кажется, все, весь лес сразу шептал ему это «Тише» огромным бесконечным хором. Лёка невольно разжал пальцы. Лопата бесшумно упала на землю, и рассветный луч осветил что-то белое – там, на дне ямы. Белое? Лёка присел и уже руками, осторожно и быстро стал откапывать это белое. Натруженные руки тряслись, но надо было торопиться, а то ему душно там, этому немому, так душно, что говорить не может!

Комья земли летели в лицо из-под собственных пальцев. Лёка даже моргать боялся. Чтобы не пропустить, чтобы не навредить, чтобы... Пальцы нащупали другие пальцы, не

его, не Лёкины – чужие, человеческие! От неожиданности Лёка охнул и всё-таки моргнул, а когда открыл глаза...

Там, где только что была твёрдая земля, изрытая большими корнями, которые Лёка, сам не понял как, ухитрился обходить лопатой, там... Сперва он увидел белую рубашку и удивился: чего она белая? Здесь, под землёй, в земле – как она белая-то? Земля, конечно, не грязь, но Лёка, вот, уже весь грязный, а она белая.

...Ещё был зелёный вышитый сарафан, тоже чистенький, блестящие в рассветном луче волосы, распущенные по плечам, и пронзительно зелёные глаза, рассматривающие Лёку.

Девочка. Наверное, третьекласска, как Лёка. Здесь?! Лёка так и сел на горячую землю и опять почувствовал, как трясутся руки.

Девочка протянула палец (чистый-чистый, прямо белый) и отвела прилипшую ко лбу Лёкину чёлку. Её короткое прикосновение было не просто тёплым, а таким, что аж обжигало. Лёка инстинктивно отшатнулся, и девочка рассмеялась. Её губы не шевельнулись, и глаза оставались серьёзными, и Лёка не слышал смеха в его человеческих звуках. Она рассмеялась на цветочном. Это было странное ощущение, как будто щекочут под кожей и глубже, где-то внутри мышц, Лёка даже усталость чувствовать перестал.

– Разбудил... Разбудил... Разбудил... – Девочка молчала, за неё говорил лес. Деревья и птицы, трава и земля, всё-всё живое и даже камни, которых Лёка раньше не слышал. Так

она правда не может говорить сама?

– Кого? Почему? Как? – вопросы рвались один за другим, Лёка задавал их девочке, но, кажется, орал на весь лес. На цветочном, конечно. Потому что лес отвечал.

– Ты. Говорил. Кричал. Разбудил. Меня. – Она смотрела в упор на Лёку, но говорил по-прежнему лес. Весь, сразу. Лёка чуть не оглох, если можно оглохнуть от цветочного языка.

– Извини.

Девочка опять засмеялась, так же не видно и не слышно, по-цветочному осязаемо: не сердится?

– Долго спала. Молчали, – объяснил за девочку лес.

– Кто молчал?

– Люди. Как ты. Говорили как ты. Замолчали. Уснула. Ты разбудил. Ты говоришь. – Она сидела на земле, близко-близко, Лёка стеснялся смотреть ей в лицо и таращился на странную вышивку на сарафане. Что, здесь жили люди, говорящие на цветочном?! Они говорили с ней?

– Они жили здесь?!

– Везде.

– Много.

– Говорили. Много. С животными, растениями, ветром, полем.

– Забыли. Уснула. – Она по-прежнему отвечала не сама, за неё говорили наперебой деревья, трава, животные и птицы. В голове звенело от этого разноголосья, но это и помогло Лёке понять: она и есть лес. Волшебная девочка, которая вы-

жила под землёй, — она и есть. Каждый кустик, каждая травинка и, кажется, даже каждая собака, хоть она и не в лесу... И речка, и камни, и, похоже, сам Лёка: всё живое — это она!

— Дух?! — Лёка не знал, что в цветочном есть это слово. Оно спросилось само собой, как мать, увидев его с кружкой, спрашивает: «Чай?» — как будто там может быть что-то другое. Уж она-то знает, что нет, а всё равно спрашивает: не чтобы спросить, а чтобы разговор завести...

Она и не ответила на глупый вопрос. Не моргая смотрела на Лёку, а он всё стеснялся поднять глаза. И всё пытался осознать: до него жили люди, говорящие на цветочном, а потом забыли язык... И что, закопали её?!

— Они тебя закопали?!

Она опять засмеялась и покачала головой:

— Уснула. Земля потом выросла. Давно было. Очень. Столько земли... — она повела головой, оглядывая яму, а лес всё шептал:

— Тысяча-лет-больше-меньше-давно-много-земли...

Лёка с трудом выделял неслова из этого хора. Наверное, каждое деревце пыталось ему втолковать что-то своё — или, может, её, волшебной девочки, мысли путались, если спала столько лет. Дух. Дух леса. Люди перестали с ней разговаривать, и она уснула на тысячу лет. А что, Лёка думал, он один такой? Теперь-то, может, и один, раз они всё забыли...

Солнечные лучи уже заполнили яму. Лёка всё ещё стеснялся посмотреть в лицо волшебной девочки. Или не мог? А деревья, кусты, всё вокруг шептало:

– Хороший-хороший-хороший... Помог-помог-помог... Что хочешь? Что хочешь? Что хочешь?

Кажется, у неё совсем нет собственного неголоса. Наверное, он и не нужен, когда можно воспользоваться тысячью других. Лёка смотрел на отвесные стены, прикидывая, как будет выбираться, и не сразу разобрал неслова. Он хороший? Он помог? Ах да, поработал лопатой!.. Это что же, ему предлагают исполнить его желание, как в сказке? Да там герои дураки – такую ерунду загадывают, а потом упрашивают вернуть всё как было, да поздно уже...

Девочка смотрела на него, наклонив голову, а лес шептал всё громче:

– Что хочешь? Что хочешь? Что хочешь?

Человеческая голова болела от неголосов. Человеческие руки ныли от усталости. Человеческий стыд не позволял поднять глаза посмотреть в лицо волшебной девочке. Он опять уставился на вышивку на сарафане. И чего же он, Лёка, хочет-то?

– Да чтобы животные не страдали, чтобы люди не были такими гадами, чтобы...

Под кожу, под всю сразу, будто вогнали невидимый ком. Вышивка на сарафане вдруг исчезла, перед лицом захлопали пёстрые крылья. Огромная сова выпорхнула в рассвет и пропала за ветками деревьев. Земля вспухла под коленками и осторожно, как на гигантской ладони, подняла Лёку из ямы. Комья земли с отвала тут же посыпались вниз, засыпая могилу.

– Зови... Зови... – зашумела земля, деревья и всё вокруг. Ком под кожей толкался как человеческий в горле. Лёка подумал, что волшебная девочка может не так уж и много. И ещё – что она тоже плачет.

Глава VIII

Зло

Утро было солнечным, радостным. Птицы орали, кажется, на обоих языках сразу, молодые листики деревьев сверкали как солнечные зайчики за оконным стеклом, чистым, будто его и нет.

С этой Лёкиной астмой мать помешалась на чистоте. В его комнатухе всё блестело: и окно, и прутья железной кровати, и даже древний письменный стол, давно лишённый всякого лака. Но дело не в этом. Утро было действительно какое-то волшебное, не как все. Казалось, весь мир за окном сверкает и стрекочет на цветочном языке: «Утро! Утро! Утро!» – птицы и деревья, кошки и собаки радовались, перекрикивая друг друга.

Лёка лежал, ошалевший от этой оглушительной радости: что-то случилось? Девочка! Волшебная девочка в лесу. Девочка, которая и есть лес. Вот кому все радуются! И он, Лёка, теперь не один. Пусть волшебная девочка может не всё, но откуда-то Лёка знал: теперь будет легче! Всем легче: ему, животным, траве, деревьям... Хоть она и не смогла выполнить его желание, но она сказала «Зови!».

Он вскочил так, что пружины кровати звякнули, цапнул с вешалки в шкафу школьную форму, быстро оделся. Он вроде бы даже напевал на человеческом в этот момент, чего не

делал прежде.

Лёка выбежал на кухню, где мать уже возилась у печки. Аккуратная, причёсанная, в сером строгом платье, в котором ходит на работу, и нелепом застиранном фартуке поверх – что-то в этом было смешное и беззаботное.

– Что я вижу?! Мой сын улыбается? Где это записать? Ты видел хороший сон? – Мать огромными цветастыми прихватками снимала с печки кашу в алюминиевой кастрюле.

Он даже смутился на секунду, хотя... Почему человеку не улыбнуться, когда у него такое прекрасное утро!

– Да так, мам. Ты красивая. – Он ещё раз хихикнул при виде этого фартука поверх строгого платья и уселся за стол.

Мать рассмеялась, поправив фартук, и Лёке в тот момент показалось, что кое-что и она понимает. Не всё, а так...

Она ела быстро, работая ложкой как спицей для вязания, молча, но глаза ещё смеялись, и Лёка был рад, что с утра её развеселил. Когда ты счастлив, хочется, чтобы весь мир радовался вместе с тобой.

– Ешь быстрее, я побежала. Посуду мыть тебе! – Она весело, со звоном скинула в таз пустую тарелку, стянула фартук, обернулась и показала Лёке язык. Уже без фартука, в строгом платье, это смотрелось так нелепо, что Лёка рассмеялся. Мать как будто растерялась от этого, всего на секунду в её лице мелькнула озабоченность. Лёка моргнул – и она исчезла.

– Нет, тебе точно приснился хороший сон! – объяснила

мать как будто самой себе. – Пока!

* * *

И в школе был прекрасный и очень тихий день, наверное, потому, что не явился дурацкий Славик со своей бандой. Училка озабоченно поглядывала на пустые парты и повторяла: «Наверное, что-то случилось. Не могли же они все вместе заболеть. Вечером зайду к ним узнаю». Лёка хихикал про себя: «Кто-то прогулял и получит втык» – и потихоньку писал письмо понимающему человеку Галке. Сразу после школы он побежал на почту за конвертом и марками.

Маленький голубой домик почтового отделения стоял на склоне, почти у самой реки. Раньше Лёка думал, что по весне сотрудники делают из плохих писем кораблики и пускают по течению. Он бы обязательно пускал: так хоть какая-то польза от глупой бумаги, от зряшной гибели дерева. Он даже подбежал к откосу, глянул вниз на реку. Не кораблики искал, конечно, а так... Сам не понял зачем.

Река уже вскрылась. Черноватая этим солнечным днём, она бежала стремительно, омывая торчащие булыжники и маленький песчаный островок ближе к тому берегу. Здесь сильное течение, против него можно плыть на месте, пока не устанешь. На мелководе на песочном дне чернели редкие камешки, на берегу проклёвывалась зелёная травка. Редкие деревья, кривенькие, оттого что на склоне растут, шумели

ветками и шептали:

– Зло!

Лёка вздрогнул. Деревья редко вмешиваются в дела людей и мало что знают, потому что стоят на месте. Значит, совсем рядом, там, где им видно... Лёка зашарил глазами по пляжу – и только тогда наконец увидел.

Далеко внизу, у самой реки, на холодном песчаном пляже сидели три фигуры в знакомых куртках. Дурацкий Славик и эти двое. Странно. Что они здесь делают, не купаются же в апреле! Они не дрались, не ругались громко, просто болтали. Лёка не слышал, о чём (Зло!), и не видел зла. Если они выбрали это место, чтобы просто школу прогулять, то и...

Фигуры странно затрясли сжатыми кулаками, будто встряхивают что-то невидимое. Эгей, да они играют в «Камень, ножницы, бумага»! Какое же тут зло? Лёка даже хихикнул: вот культурный досуг у людей! Вот делать нечего!

– Где? Где зло? Они же играют!

– Вот... Вот... Река... – наперебой зашептали деревья. Они не умеют и не должны ни врать, ни ошибаться. Почему же...

Проигравшая фигура – Витёк – встала и пошла вверх по крутому склону. Меньше всего Лёке хотелось портить себе настроение, ему нужно отправить письмо. Тем более что Витёк его, Лёку, ещё не видел – смотрел под ноги. Самое время сматываться в тёплое почтовое отделение, где красивые марки и смешная тётя Нюся с сиреневыми волосами...

– Зло! Река...

Витёк поднял голову и упёрся взглядом в Лёку:

– Малахольный! А я за тобой иду! – Он даже прибавил шагу, его блестящая от грязи куртка так и засверкала на солнышке.

Голубой домик почты был в десяти шагах. Витёк – ещё далеко внизу, он тяжело дыша карабкался по склону, а эти смотрели, но за ним не шли. Значит, бить не собираются?

– Мне на почту надо. – Лёка сказал это спокойно, сам удивился, развернулся и пошёл к почте.

– Куда?! Иди сюда, сказал! – голос раздавался далеко внизу – не догонит.

Лёка шёл медленно, показывая этим, что не боится: ещё чего! Просто не хочет портить себе отличное настроение. Понимающий человек Галка будет рада письму, что-то он давно не писал ей.

Вымытое крыльцо почты, такое же голубое, как дом, только исцёрканное подошвами до дерева, тряпка на пороге (чей-то старый свитер). Лёка чинно вытер ноги, толкнул тяжёлую дверь на пружине. На почте тепло: огромная печь в центре зала, и каждый второй шутит: «Вы её письмами растапливаете, да?» Из-за стойки за прозрачной перегородкой торчит пучок фиолетовых волос.

– Здравсьте, тётъ Нюсь!

– Здравсьте, здравсьте! – Тётя Нюся Лёку недолюбливает, потому что он не говорит ей, кому шлёт письма. Все гово-

рят, всё рассказывают, какому там сто первому родственнику, и что у него там произошло, и что пишет тот самый родственник... Тётя Нюся всё про всех знает: ей интересно, ей и рассказывают. А Лёка помалкивает, в конце концов, это не её дело. Из-за этого она злится и Лёку считает дурачком. – Очередное послание тайной любви от тайного поклонника?

Лёка улыбнулся, но промолчал. Смешная она! Подошёл к печке и прижался ладонями к горячему белёному боку. Всё-таки прохладно на улице. Тётя Нюся смотрела на него из-за стойки – неужели всё ещё надеялась, что Лёка ей что-то скажет?

– Или так, погреться зашёл?

– Нет... – Лёка глянул в окно. Толстый Витёк уже вскарабкался по склону, красный, с перекошенным лицом. Он не сунется сюда. А сунется – будет вести себя прилично, не станет же, в самом деле, лупить Лёку при взрослых... Он зыркнул из-за стекла прямо на Лёку. Не, не увидел. Лёка в глубине тёмной комнаты, а этот – снаружи на солнышке.

Печка обжигала руки. На подушечках ладоней и пальцев остались пятна печной побелки. Лёка потёр ладонь о ладонь и пошёл к стойке:

– А новые марки есть?

Марки Лёка странно любил. Не любил учебники, детские книжки с жуткими картинками, жирные желтоватые календари, где нужно отрывать по листочку каждый прожитый день, и даже маленькие красивые календарики, которые мать

приносила с работы каждый Новый год, не любил. Но эти малюсенькие бумажки с оборочками завораживали. Там были космонавты, машины и ракеты и животные иногда. У тётки Нюси на стойке вместе с привязанными ручками была и привязанная лупа – для стариков, которые плохо видят. А Лёка рассматривал в эту лупу марки. В грубоватых картинках можно было разглядеть квадратики краски и какие-то мелкие детали рисунка, которые сразу не заметишь. И ещё Лёку забавляла сама идея: послать не только письмо-каракули, но и маленькую картинку. Это же здорово, особенно если сам не умеешь рисовать.

– Есть, есть, – тётя Нюся положила на прилавок небольшой раскрашенный листок. Почему-то, разговаривая с Лёкой, она всё повторяет два раза. Ну да, считает его дурачком.

На крыльце затопали. Значит, Витёк всё-таки решился зайти, не хочет отвязаться подобру-поздорову. Лёка взял привязанную лупу и стал рассматривать марки. Настроения уже не было. Хлопнула дверь. Тётя Нюся вытянула шею – посмотреть, кто там пришёл. Марка под лупой расплывалась бесформенным пятном. А этот Витёк с порога заголосил:

– Малахольный, тебя зовут вообще-то!

Тётя Нюся вопросительно взглянула почему-то на Лёку, и он ещё крепче вцепился в лупу.

– Знаю, – он старался, чтобы это прозвучало безразлично: мол, есть дела поважнее вашей банды, а получилось тихо и как-то жалко.

– А знаешь – чего стоишь? Пошли.

Всё произошло так быстро, что Лёка не успел сообразить. Толстый Витёк буквально вывернул лупу из его пальцев, цапнул Лёку под руку и бегом за три шага выволок на улицу. Тётя Нюся молчала. Наверное, тоже не успела ничего понять.

Лёка споткнулся на крыльце и только тогда попытался вывернуться из рук Витька. Витёк молча перехватил его удобнее и поволок к откосу.

– Пусти, чего пристал?!

– Да не бойсь ты. – Витёк сказал это почти беззлобно. – Дело есть.

– Какие у меня с вами могут быть дела? – Лёка сказал это на цветочном.

Витёк только странно зыркнул и остановился у самого откоса. Внизу бежала река, эти двое стояли на берегу задрав головы, и деревья шептали своё: «Зло...»

– Я сказал: пусти! – неужели цветочный до них лучше доходит?

Витёк рассеянно заморгал, оглянулся по сторонам, как будто искал источник неголоса. Во дурак!

– Да что ты мне сделаешь, Малахольный?! – Он подтолкнул Лёку в спину.

Впереди разверзлась пропасть: река, до страшного далёкая, мелкие острые камешки там внизу, а песок, который секунду назад был под ногами, пропал. По затылку ударил

школьный ранец, руки встретились с песком, Лёка охнул, и песок набился в рот. Подбородок царапнул какой-то камешек. Лёка лежал на откосе лицом вниз и продолжал сползать руками вперёд.

– Помочь? – сзади спускался Витёк. Лёка его не видел – только слышал пыхтение. Сверху покатались мелкие камешки. А внизу смеялись эти двое.

– Зря ты это делаешь! – на цветочном. Хотя Лёка был готов сказать и так, просто ещё отплёвывался от песка. – Зря меня злишь. – Лёка сполз ещё чуть-чуть и попытался сесть. Песок убегал из-под ладоней, мелкие камешки царапались. Кажется, уже полные штаны песка, но это не важно...

– Зло...

Согласен. Они – настоящее зло.

На четвереньках (так устойчивее) Лёка быстро спускался к реке. Какая-то его часть, маленькая и трусливая, а потому глупая, ещё надеялась, что у них и правда может быть какое-то дело, кроме как его, Лёку, побить: не просто же так они пошли к реке весной. Побить можно и в школе. Но нет, мудрая часть, побольше, была уверена, что эти не могут затеять ничего хорошего, даже если называют это «делом». Какие у них, в самом деле, могут быть дела?!

Лёка спускался. Из штанин уже сыпался песок, и это была лишь малая часть того, что успело набиться. Витёк сзади покрикивал и всё пытался дотянуться ногой, но Лёка был быстрее.

– Дождались! – Дурацкий Славик встал перед ним, скрепив руки на груди. Его куртка странно топорщилась. Юрик стоял у него за спиной. – Нехорошо, Луцев, заставлять людей ждать.

Лёка выпрямился. Из штанин тут же хлынули водопады песка. Эти опять засмеялись:

– Ты так весь пляж соберёшь, людям негде загорать будет!

Это они-то люди? Впрочем, да: люди. Глупые, глухие и злющие. Не весёлая кошка училки, не та собака с вокзала, даже не кот, напугавший до чёртиков своей крысой: он хотел как лучше. Это люди. Они всегда и всем желают зла и делают зло, только часто этого не понимают, а это ещё страшнее.

– Ну чего вам?! Посмеяться звали?! – Лёка рывкнул это на весь пляж, наверное, даже смешная тётя Нюся слышала.

Эти на секунду притихли. Хоть перестали гоготать.

– Смотри, какой смелый, – дурацкий Славик шагнул к Лёке. Он и стоял-то почти вплотную, а тут вообще чуть на ногу не наступил. – Я говорю, дело к тебе есть. – Он приподнял грязными пальцами Лёкин подбородок и попытался заглянуть в глаза.

– Не зли меня, – сказал Лёка на цветочном.

Славик вскинул брови, как будто почти не удивился, и продолжил своё:

– ...А когда дело, от него не бегают, а делают – тебя не учили?

– Да как его научишь: он двоечник! – выдал Юрка, но ни-

кто не засмеялся.

Лёка понятия не имел, как там учатся эти трое, ему было неинтересно, но почему-то думал, что получше него. Учился он действительно хуже всех...

– Короче! – Нельзя показывать, что боишься. Особенно если не очень-то боишься.

Юрик некстати заржал. Дурацкий Славик, почти не оборачиваясь, отвесил ему оплеуху:

– Тихо. Видишь, у человека деловой подход, не хочет напрасно ласы точить с тобой убогим, правда?

Лёка кивнул.

– А раз правда – смотри! – дурацкий Славик расстегнул куртку.

Лёка разглядеть ничего не успел, как услышал на цветочном:

– Свет! Холодно! Что?! – Неголоса включились одновременно, как будто кнопку нажали. Оказывается, у дурацкого Славика под курткой всё это время кто-то спал. Лёка не слышал их, потому что они спали. А деревья говорили «Зло!»...

Витёк, который всё это время был за спиной, обошёл Лёку и встал рядом с дурацким Славиком. Щенки. У Славика под курткой были щенки. Лёке сперва показалось, что их там целый помёт – нет, только два. Крупные, обычного дворняжьего окраса, чем-то напоминающего воробыный: немножко чёрного, много коричневого, у одного ещё белые лапки и белый кончик хвоста. Уши-лопухи смешно болтаются при

каждом движении... Улыбка у Лёки расползлась сама собой: щенки! Ничего себе!

– Откуда? – В тот год в деревне ни у кого не было щенков, уж Лёка-то знает.

– Да так, попросили утопить. – Дурацкий Славик хитро глянул на Лёку, ожидая реакции, а по глазам было видно: врёт. Нормальный человек не потащится в соседнюю деревню, или где они их там раздобыли, только затем, чтобы взять собак и утопить, даже если попросят. Значит, спектакль специально для Лёки...

– Врёшь. – Лёка старался выглядеть спокойным.

Дурацкий Славик сделал возмущённое лицо:

– Когда я тебе врал?!

– Всегда. Вы прогуляли школу, чтобы сбегать с утра пораньше за десять километров в соседнюю деревню, взять там собак и притащить сюда – якобы топить. Вы скидывались на «камень, ножницы, бумага», выясняя, кто пойдёт за мной. Для меня спектакль, да? Для меня?! – В голову ударила собачья ярость, кулаки сжались сами собой. Ну и что, что их трое. Их со щенками тоже трое, пусть только попробуют...

– А ты проверь, – это Славик не сказал, а прошептал, как будто... Да ну, нет, он не станет, чтобы только досадить Лёке... – Проверь, Малахольный. Ты же любишь зверюшек, цветочки всякие...

– Врёшь! Ты не посмеешь!

– Играть, играть, играть! – щенки возились на руках ду-

рацкого Славика, покусывая ему пальцы. Маленькие ещё, только с виду крупные, а сами балбесы...

– Проверь-проверь! – Славик поднял одного щенка за шкуру, буквально ткнул Лёке в лицо. Лёка протянул руку, и Славик ловко отвёл щенка: – Не хочешь проверять? – Держа щенка за шкуру, дурацкий Славик демонстративно шагнул к реке. Там сильное течение. И холодно. Не выплывет!

Лёка рванулся к Славику, но эти двое вцепились в него с двух сторон.

– Спокойно! – Славик поднял за шкуру второго щенка. У него заняты руки, он открыт, если врезать с ноги, то, пожалуй, у Лёки получится столкнуть его в реку... Только со щенками, вот в чём беда, иначе Лёка бы уже давно...

– Три рубля, – осклабился дурацкий Славик. – Любишь зверюшек – спасай. Всё по-честному: каждому по рублю. Нам ведь и правда пришлось побегать, а труд должен быть оплачен.

– Идиоты! – это вырвалось само, на цветочном. Славик странно взглянул на Лёку, но улыбку свою дурацкую не убрал. Идиоты и есть. Вот где он возьмёт им столько денег?!

– Не понял? – дурацкий Славик вытянул руки со щенками над рекой. Там-то мелко, где он стоит, но ведь он может и забросить...

– Понял, понял!

Славик взял щенков на руки и чуть отступил от реки. Зато Витёк с Юриком ещё сильнее вцепились в Лёку, повиснув на

плечах.

– Что ты понял?

Три рубля – баснословная сумма для школьника, вряд ли эти трое рассчитывали, что у Лёки с собой окажется столько. Да у него всего несколько монет – на конверт и марку. Возможно, конечно, и поторговаться, и, может, они даже уступят, да только потом всё равно не отвяжутся. С фантазией у них не очень, и если Лёка заплатит им сейчас, то назавтра они, пожалуй, притащат третью собаку, потом четвёртую, и просить будут всё больше, и больше нагнеть, и однажды кого-нибудь убьют, потому что у Лёки действительно не окажется денег. Если сейчас уступить... Лёка зажмурился и отчеканил:

– У меня нет денег! – В последний момент он сообразил, что Славик может психануть и сразу кинуть щенков в реку, и Лёка ничего не успеет сделать, не вырвется, не добежит, не догонит это течение, да ещё вплавь в тёплой одежде и в холодной воде... А назавтра они притащат третьего щенка, и Лёка как миленький заплатит им сколько скажут...

– Врёт! – Витёк. – Врёт, я его с почты притащил, он марки рассматривал. На марку-то небось есть!

– А ты поищи.

Дурацкий Славик испытующе посмотрел на Лёку:

– Ну, если ты врёшь...

Витёк перехватил Лёкину руку и полез ему в карман. Толстая пятерня Витька заелозила по куртке, треснул вывернутый карман, и на песок высыпались монетки. Следом спла-

нировал сложенный вдвое тетрадный листок: письмо понимающему человеку Галке. Лёка ведь так и не отправил...

– Ну вот, а говорил, нет. – Витёк небожно ткнул его в бок и присел за монетками. Свободной рукой он продолжал придерживать Лёку.

– погоди ты, – дурацкий Славик подошёл и, неуклюже прижимая к себе щенков одной рукой, потянулся к листку. – Тут что-то интересное...

И тогда Лёка ударил. Ногой, как по мячу на физре. Сильно, хотя ненавидел футбол – но при чём здесь это вообще? Дурацкий Славик взвыл, прижав к лицу письмо для Галки. В ту же секунду листок пропитался красным. На песок побежали ржавые капельки. Щенки (не попал по щенкам, точно не попал, Лёка бы услышал) тут же вывернулись из его рук и запрыгали, прихватывая Славика за штаны, приговаривая своё: «Играть! Играть!»

– Бегите! – завопил им Лёка на цветочном. – Бегите – убьют!

Щенки притормозили и вопросительно посмотрели на Лёку, почти синхронно подняв уши-лопухи.

– Играть? – маленькие ещё, дурачки.

– Бегите! Брысь! Домой!

– Где «домой»?

– ...Ты труп, Малахольный! – Теперь ударил Славик.

Небо почернело, бросилось в глаза, зазвенело в ушах. Сквозь этот звон Лёка ещё слышал щенячье «Играть!».

– «...Дурацкий Славик с компанией не явились в школу. По-моему, сегодня будет прекрасный день! Я прямо чувствую: должно случиться что-то хорошее!» Вот же неблагодарный, а? Вы посмотрите на него!

Все заржали.

Голова гудела, но рукам было легко и свободно, и небо было на месте. Лёка лежал на песке, уставившись в небо, уже нормальное, голубое. Он был свободен, его никто не держал.

– Грызть, грызть, грызть... – так и не убежали, балбесы!

Лёка чуть приподнял голову: щенки сидели у самой реки, привязанные к дереву, и грызли верёвку. Эти были рядом. Они расположились в трёх шагах от Лёки, сидели на песочке, подложив под себя школьные ранцы. Дурацкий Славик читал залитую кровью бумажку.

– «...Ты не представляешь, как без них спокойно».

Снова хохот. Лёка ещё несколько секунд соображал, пока не дошло: они читают его письмо! Читают вслух и ржут! Эти! Ржут специально, чтобы поиздеваться над ним. Чтобы рассердить, чтобы...

– Дай сюда! – Лёка сказал это на цветочном, прекрасно зная, что ничего ему Славик не отдаст. Да ещё, пожалуй, притащит завтра в школу, будет читать вслух, чтобы все смеялись. Вообще-то Лёке не важно, что они там о нём думают,

тем более дураки. А всё равно было не по себе, как будто кто-то заглянул ему в голову.

– Проснулся? – дурацкий Славик заметил, что Лёка смотрит. – А мы тут читаем про жизнь замечательных людей...

Лёка молча встал. Голова ещё гудела, но стоять на ногах было можно. Эти, на песке, как будто напряглись, но никто не вскочил, все смотрели, что Лёка будет делать. Интересно им, дуракам...

Первым делом он подошёл и отвязал щенков. Витёк при- встал, хотел ему помешать, но дурацкий Славик одёрнул его:

– Да всё нормально, остальное потом занесёт, я сегодня добрый! – в доказательство он побренчал мелочью в кармане. – Смотри, Малахольный, следующий дорожке будет. А вот это, – он помахал окровавленным тетрадным листком, – завтра будет у твоей матери. Наверняка ей будет интересно, с кем ты переписываешься!

Они опять заржали. Им, значит, смешно.

– Им смешно! – Лёка завопил это на цветочном так, что, кажется, услышали все вокруг. От утреннего хорошего настроения не осталось и следа, он орал в неголос. Чуть не убили двоих, чтобы встрясти из него пару монеток, – и смешно!

– Им смешно! – он вопил так, что сам чуть не оглох. – Смешно! – Зажмурился, как тогда, как давно, как в детском саду, когда ещё только тренировался говорить на цветочном. Он боялся, что его не услышат.

– Помоги!... – Наверное, глупо бояться, ведь Волшеб-

ная девочка услышала его даже из-под земли. Уж сейчас-то должна...

– Помоги! Помоги! Помоги! – Лёка вопил, и ничего не слышал в ответ. Только щенки возились, приговаривая своё «Играть!», да деревья у реки шептали «Зло!». А лес... Огромный, неприступный, блестел верхушками деревьев, далеко, ужасно далеко, за почтой, за маленькими, будто мышиными деревенскими домиками. Лес молчал. Далёкий и глухой.

– Помоги же! – с досады Лёка пнул маленький камешек, нога с размаху ударилась о другой, побольше. Не такой огромный, чтобы не поднять, не такой маленький, чтобы нельзя было убить. В самый раз! Рука сама потянулась, пальцы сжали гладкое, холодное, тяжёлое...

– Ты чего, Малахольный?! – Витёк заметил, что Лёка берёт камень.

– Да ладно, ему слабо, кому ты веришь! – дурацкий Славик демонстративно уткнулся в письмо.

– Ну-ка быстро положил! – Витёк вскочил и бросился на Лёку.

* * *

Он сам виноват, этот Витёк. Не надо было дёргаться, сам виноват. Когда на тебя летит разъярённая туша, а в руках у тебя камень, тут нечего думать, всё происходит само со-

бой... Нет, Лёка ничего не сделал, он бросил камень. По-настоящему бросил, на землю. Немножко пнул в сторону, будто играет в футбол. На цветочном он ещё кричал это «Помоги!», уже отчаявшись, уже злясь на глухоту леса и собственную беспомощность, но не мог замолчать:

– Помоги! Да помоги же!

Глянцевый камень, летящий в сторону, будто наткнулся на невидимую преграду. Он стукнулся, точно стукнулся, со звуком, о воздух, о пустое место – не о песок же! Стукнулся – и метнулся назад, в сторону Витька, прямо под ноги. Витёк споткнулся, полетел носом вперёд. Камень из-под его ноги прокатился по песку, замер, как будто специально выбрав нужную точку. А в следующую секунду Витёк упал на него коленом.

Он издал звериный вопль, кажется, на цветочном тоже, Лёка не разобрал, и ухнул мешком Лёке под ноги, разбрызгивая песок. Он катался по песку, держась за ногу, и выл, выл в голос. Те двое сидели на своих ранцах, уставившись на Витька шальными глазами, словно не понимали, что вообще произошло. А может, и правда не видели, всё случилось так быстро.

Лёка так и замер, уставившись не на Витька – чего он там не видел! Он смотрел на камень, на песок. Мысленный взор прокручивал ещё и ещё это оживление камня, это чудо, отпечатавшееся на сетчатке. Под кожей радостно защекоталось, Лёка даже хихикнул, как от обычной щекотки. Это в далёком

лесу смеялась Волшебная девочка. Лёка шепнул ей: «Спасибо!» – и снова услышал этот оглушительный хор: деревья, травинки, звери, птицы – все и сразу, Волшебная девочка, – отвечали ему:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.